

Один день, одна ночь

Автор:

Татьяна Устинова

Один день, одна ночь

Татьяна Витальевна Устинова

С небес на землю #3

Один день и одна ночь – это много или мало? Что можно разрушить, а что создать?.. В подъезде дома, где живет автор детективных романов Маня Поливанова, убит ее старый друг, накануне заходивший на «рюмку чаю» и разговоры о вечном. Деньги и ценности остались при нем, а он сам не был ни криминальным авторитетом, ни большим политиком, ни богачом! Так за что его убили? Алекс Шан-Гирей, возлюбленный Поливановой и по совместительству гений мировой литературы, может быть и не похож на «настоящего героя». Он рассеян и очень любит копаться в себе. Тем не менее он точно знает: разбираться в очередном происшествии, в которое угодила его подруга, предстоит именно ему. Один день и одна ночь – это очень много! Они изменят всю дальнейшую жизнь героев, и у них есть только один шанс сохранить самих себя и свой мир – установить истину...

Татьяна Устинова

Один день, одна ночь

«Ты злой? – тихонько спросил Муми-тролль. – Ты ужасно плохой, страшный, кровожадный, беспощадный, да? О, ты славный, дорогой, маленький мой, мой, мой!»

Тове Янсон. «Повесть о последнем в мире драконе»

Сегодня

...Приехал наряд, и скучные люди в скучных серых одеждах со скучными дерматиновыми папками под мышками стали осматривать тело. Они присаживались, обходили его кругом, то и дело задевали откинутую очень белую и неживую руку. Рука при этом шевелилась.

– Соседи обнаружили?.. – спросил кто-то из них скучным голосом, похожим на серый дерматин, и второй кивнул на высокую девицу, которая сидела на площадке между первым и вторым этажом, щурилась, курила и стряхивала пепел в громадную чистую хрустальную пепельницу. Пепельница стояла рядом на ступеньке. Обе, и девица и пепельница, были странные и здесь неуместные. – Все остальные жильцы жмутся к стенам, шепчутся, а эта посиживает себе! Покуривает. Ишь ты!..

– Только ты... поаккуратней с ней, – закрываясь от девицы папкой, пробормотал второй.

– А чего? В истерике?

– Да не в истерике она. Она... в телевизоре.

– Чего?!

– Да она какая-то, блин, писательница из этих... модных. Лелька моя от нее прям визжит!.. Только вчера по телику показывали, она там всех жизни учила...

– Вот, е-мое...

– То-то и оно...

Первый вздохнул и стал подниматься. Девица смотрела на него внимательно, курила.

– Здрасти, – сказал он, не дойдя, и поправил под мышкой свою папку. – Капитан Мишаков. Ваш труп?

И побагровел от такой своей оплошности.

– Не совсем, – не моргнув глазом, отозвалась девица и затушила сигарету. – Но я знаю чей. То есть я его знала, пока он еще не пришел в состояние трупа.

Капитан Мишаков, выправляя оплошность, заговорил нарочито громко и четко, и опять вышла глупость:

– Я имею в виду, это вы его обнаружили в состоянии трупа?

– Господи, помоги, – отчетливым театральным шепотом произнесла величественная бабка в атласном расписном халате, – до чего дошло!.. Так я и знала!

Капитан Мишаков посмотрел – соседи толпились, вытягивали шеи. Нужно всех разогнать по квартирам, послать лейтенанта опросить, а начать с бабки.

– Это Толя Кулагин, – продолжала девица, не обращая внимания на зрителей, и кивнула в сторону трупа. – Он вчера у меня гостевал. Старый друг.

Капитан Мишаков пожал плечами, сбегал на несколько ступенек, призвал Павлушу-лейтенанта, вполголоса отдал указания, вернулся на площадку и пригласил девицу «пройти».

– Куда? – не поняла та, но послушно поднялась, сразу став на голову выше капитана.

Высокие женщины ему не нравились.

– Пройдемте в квартиру! Которая ваша?

В квартире – о-го-го, такие все больше в кино показывают! – было сумрачно, очень тихо и хорошо пахло.

– Хотите? – спросила переставшая ему нравиться девица. – Кофе сварить?

– Простите, как имя-отчество ваше?

– Поливанова Мария Алексеевна.

– Мне бы документик.

– Вы проходите, – и Мария Алексеевна сделала приглашающий жест, – сейчас все будет: и кофе, и документики...

Из-под старинной разлапистой бронзово-ветвистой вешалки она вытащила портфель, довольно потрепанный, и пошла по коридору. Капитан двинул было за ней, но остановился и присвистнул, ничего не мог с собой поделать.

Все стены широченного, как трамвайное депо, коридора занимали книги. Их было столько, что за ними не разглядеть полку, и казалось, книги просто растут из стен, начинаются на полу и заканчиваются где-то в невообразимой высоте, под матовыми лампами на длинных цепях.

Книги были навалены, наставлены, засунуты друг на друга, прислонены, подперты, втиснуты, они жили какой-то собственной, неизвестной капитану Мишакову жизнью. В первый раз он видел живые книги.

– Я вам потом еще в кабинете покажу, – запросто, как другу, сказала девица и распахнула дверь на кухню. – Там еще больше! Считается, что прадед начал их собирать, но сдаётся мне, что у него уже была библиотека, когда...

– Здравствуйте.

В солнечном, ярком до слез после книжной темноты коридора оконном проеме маячил силуэт. Человек сидел на каменном подоконнике, босой, в джинсах и мятой футболке. На джинсах дырки. На голове кудри и локоны. В руке кружка.

У-у-у, подумал капитан Мишаков. Дело плохо.

Кудрявый пожал плечами:

– Понятия не имею.

– Вам с сахаром и молоком, товарищ капитан?

– Кулагин Анатолий Петрович кем вам приходится?

Кудрявый опять пожал плечами и отхлебнул из кружки. А на костяшках-то ссадины, отметил капитан, ничего себе!.. И свежие совсем! Видать, кому-то не далее как вчера в зубы дал, а на вид хлюпик хлюпиком!..

– Кулагин Анатолий Петрович мой старинный знакомый! – закричала откуда-то издалека девица. – Мы вчера с ним подрались!

Мишаков, не ожидавший такого скорого признания, опешил.

– Как... подрались?

– Маня преувеличивает, – произнес сидящий неприязненно. – Она всегда все преувеличивает. В силу профессии.

– Вот, пожалуйста, – сказала девица так близко, что капитан даже вздрогнул и оглянулся.

Чего это она то и дело появляется и исчезает?! Ей бы над старым другом безутешные слезы проливать, а она порхает, хоть и похожа... на лошадь, а лошади порхать не положено!

– Вот паспорт, а это ваш кофе. Я сахару побольше положила.

Капитан почему-то покорно взял и чашку, и паспорт.

Шан-Гирей Александр Павлович. Что за фамилия, чучмек, должно быть, какой-то!.. Родился, женился, развелся. Прописан у черта на рогах, военнообязанный, детей нету.

На фотографии кудрявый и дырявый выглядел самым обыкновенным, ничем не примечательным человеком, и капитан вздохнул и поставил кофе на стол.

...Документики-то мы пока приберем, пожалуй. Для острастки. Известно, когда должностное лицо забирает паспорт и возвращать его как будто и не собирается, это всегда производит... соответствующее впечатление. Оказывает, так сказать, психологическое давление. А капитану Мишакову в данный момент очень важно на странную парочку психологически надавить!..

И он аккуратно и неспешно поместил паспорта в дерматиновую папку и даже «молнию» застегнул, вжикнул специально погромче.

Ни Мария Алексеевна, ни Александр Павлович на такое его «вжиканье» никакого внимания не обратили. Психологическое давление оказать не удалось.

Да ну их совсем!..

– Итак, Кулагин Анатолий Петрович вчера вечером находился здесь в гостях, я правильно понял?..

– Абсолютно, – отозвалась девица. – Два раза.

– Что значит... два раза?

– В первый раз Алекс его выставил, так он вернулся! Пришлось еще раз выставлять. Повторно.

– Алекс кто такой?

– Это я, – все с тем же неприязненным равнодушием представился чучмек в локонах, по паспорту Александр Павлович.

– Вы бы кофе попили, – посоветовала девица. – Остынет.

Мишков покосился на крохотную чашечку со странно закрученной ручкой и непонятной картинкой.

Все в это доме непонятно и странно закручено.

– Вы, Александр Павлович, вчера тоже в гости приходили?

– Я здесь живу.

Что чучмек не гость, а хозяин, видно невооруженным глазом, это капитан уж просто так спросил!..

– Вы сказали, что вчера вечером с Кулагиным подрались. Из-за чего?..

– Во-первых, это не я сказал. Во-вторых, мы не дрались.

– Вы бы уж договорились между собой, – начал капитан Мишаков, стараясь, чтоб прозвучало добродушно, и отхлебнул кофе. Горячо! Вкусно! Надо бы Павлуше, лейтенанту, сказать, чтоб глянул наскоро на предмет синяков и ссадин на трупe, а там дальше эксперты как следует посмотрят. – Вы бы договорились, чего врать станете! А то куда это годится! То дрались, то не дрались. Но на всякий случай хочу предупредить, что за дачу ложных показаний ответственность предусмотрена.

– Пока никто из нас никаких показаний не дает. – Чучмек оперся ладонями о каменный подоконник, свесил патлатую голову и теперь рассматривал собственные босые ноги. – Или тогда ведите протокол.

Вот терпеть Мишаков не мог всяких таких фанаберий!.. Тут уж и до адвоката недалеко! Сейчас начнет права качать и грозить международным трибуналом в Гааге! Слыхали мы эти песни. Эх, если б не девица из телевизора – капитан покосился на нее раздраженно, – отволлок бы сейчас этого в отделение, съездил пару раз по зубам, засадил в «обезьянник», живо бы тон сменил!..

– Выходит, вы не дрались?..

– Ничего не выходит, капитан. – Шан-Гирей перестал изучать свои ноги, поднял голову и уставился ему в глаза так, что Мишаков даже дрогнул немного, стул под ним гроыхнул. – Этот ваш Кулагин вчера приходил к нам и очень плохо себя вел. Первый раз я его просто вывел на площадку. Но он через некоторое

время вернулся, стал буяннить и...

– Алекс дал ему по физиономии, – влезла девица, – и мы его больше не видели.

Глаза за стеклами круглых очков сияли.

Вот хоть ты тресни, подумал капитан Мишаков, а каждая женщина на свете приходит в восторг, если мужчина в ее присутствии совершает «героический поступок»! Неважно какой. Матерщинника там приструнит, колесо поменяет, бабусе нищей двадцатку сунет. Женщине все равно. Главное, что – герой!

И этой, из телевизора, важно, что ее чучмек кому-то по морде съездил! Первобытно-общинный строй, что ни говори, а все туда же, эмансипированные они, свободные!..

Как бы не так – свободные!..

– Если вы отказываетесь сотрудничать, я вас сейчас заберу в отделение, и там мы во всем разберемся. Под протокол! – Капитан повысил голос, потому что чучмек явно собрался что-то возразить. – Итак, я спрашиваю: что произошло вчера вечером в вашей квартире? И еще, – Мишаков одним глотком допил кофе из диковинной чашки. – Кто из вас убил Кулагина Анатолия Петровича?

– Матерь божья, – пробормотал Шан-Гирей, отвернулся и стал смотреть в окно.

– Никто не убивал, – удивилась девица. – Что мы, с ума сошли, что ли?.. Очень нам нужно его убивать!..

– Он не стоит таких усилий, капитан, – глядя в окно, добавил Шан-Гирей.

Да ну их совсем!.. Психологический прием опять не сработал, а ведь хороший прием-то! Когда-то в Школе милиции следователь Петрушин, еще той, старой закалки следователь, учил их, желторотых юнцов: иногда и очень даже часто, особенно если убийство совершается на бытовой почве, преступник на прямой вопрос дает прямой ответ.

От растерянности дает. От неуверенности. От раскаяния, что сделал глупость – убил, а уже ничего не исправить!

Но эти двое не были растерянными и уж точно ни в чем не раскаивались!..

– Вы... не спешите? – с сочувствием спросила девица. – Как ваше имя-отчество?

– Сергей Петрович!

– Я вам сейчас все расскажу, Сергей Петрович, – пообещала девица. – Только это будет... долго. Ничего?..

Вчера

Писательница Марина Покровская – в миру Маня Поливанова – поняла, что больше ни секунды не сможет провести за компьютером, ну просто ни одной секунды! Отрываться было жалко – там, у нее в романе, дело шло к развязке, и герой уже почти догадался, кто убийца, и героиня уже почти догадалась, кого она любит, и убийца почти догадался, что должен спешно уносить ноги, а тут, как назло, у автора силы кончились!..

– Охо-хонюшки-хо-хо, – под нос себе пробормотала писательница Поливанова и потерла глаза под очками.

Очки немедленно свалились с носа, пластмассово клацнули по клавиатуре. Маня испуганно посмотрела, не разбились ли.

Ничего, целы.

Очень хотелось есть, пить, спать и как-то подвигаться – все одновременно.

Маня тяжело выбралась из-за стола и проделала некое антраша, очень неловко. В глазах потемнело, в голове загудело, и пришлось схватиться за край массивного письменного стола, чтобы не упасть.

– Уработалась что-то, – громко сказала Маня, хотя точно знала, что ее никто не услышит. – Так нельзя, матушка. Скоро к стулу прирастете, отдирать придется.

...Алекс уехал на какое-то интервью, давно, еще в обед. Давать интервью он терпеть не мог, долго ломался, скулил, ныл, говорил, что не поедет, и не уговаривайте, хотя сразу было понятно – поедет, никуда не денется. Об этом хлопотала сама Анна Иосифовна, очень мило:

– Алекс, душа моя, сделайте одолжение! Я так редко о чем-то вас прошу, ведь правда? Много времени это не займет!

«Душа» Алекс согласился, конечно, но зато душу из Мани вынимал... долго и основательно.

Так полагалось по правилам игры.

Правила были чрезвычайно просты. Все, что делает Александр Шан-Гирей – писатель Алекс Лорер, – чрезвычайно важно, талантливо, первостепенно и грандиозно. В масштабах человечества, разумеется.

Все, что делает Мария Поливанова – писательница Марина Покровская, – не имеет никакого значения, узко, мелко и годится лишь для кратковременного развлечения. Человечество ни при чем.

«Талантливый и грандиозный» Алекс Лорер создавал самые настоящие шедевры, романы, признанные во всем мире.

«Узкая и мелкая» Покровская – на самом деле рослая и довольно крупная – строчила детективы, которые, как известно, презирают все: и критики, и журналисты, и сами писатели. Кроме, собственно говоря, читателей, среди которых есть и критики, и журналисты, и сами писатели. Для них-то, для читателей, Маня и старалась.

Сегодня особенно – вон чуть в обморок не повалилась прямо у письменного стола!..

Повздыхав, Маня с сожалением закрыла крышку ноутбука с нарисованным молочно-белым яблочком, очень соблазнительным, и подумала, что неплохо было бы на самом деле яблоко съесть, но где ж его взять?.. Ехать на рынок нет сил, да и поздно уже, восьмой час, послать «человека» тоже нет никакой возможности. «Человек» уехал давать интервью, и когда явится к очагу – неизвестно.

Вот если бы у меня была дача в Малаховке, мечтала Маня по дороге на кухню, я бы вкопала в саду круглый стол, а на него бы поставила корзину, и в ней всегда были бы яблоки – красота!.. Еще у меня была бы беседка, классическая, дачная, как во внутреннем дворе «Алфавита», увитая диким виноградом, с широкими лавками и дощатым полом, на резные перила брошен клетчатый плед.

Отчасти Маня Поливанова в данный момент напоминала самой себе помещика Манилова из Гоголя, который желал, чтоб непременно был пруд, а через пруд чтоб мост, а на мосту чтоб купцы и лавки!..

И в холодильнике не нашлось ничего утешительного!.. Два куса сыру, но разве ж это утешение!.. Алекс любил сыр, а Маня не очень, хотя знала, что сыр и красное тосканское вино – это правильно, это положено любить.

Чего бы поесть?.. Маня задумчиво почесала ногу через дырку в джинсах и захлопнула холодильник.

– Чижа захлопнула злодейка-западня! – провозгласила она.

Может, красного тосканского вина тяпнуть? И заесть его сыром, как положено?..

Грустно, когда дома нет никого и некому сказать, что устала, когда в холодильнике шаром покати, а в спине кости цепляются друг за друга, ноют, мешают жить, и в голове какая-то ерунда про Манилова и чижа!

Грустно, когда успехи и победы или усталость и неразбериху мыслей не с кем разделить и никому дела нет...

– Никому – это кому? – сама себя спросила Маня Поливанова, наугад вытащила с полки вино и подслеповато уставилась, пытаюсь разобрать, тосканское оно или

нет. – Никому – это значит Алексу, правда же, голубушка? Только он вас интересуется!

Не разобрав, что написано, Маня водрузила бутылку на стол.

– Он занимал все ее мысли, – торжественно произнесла она и приналегла на штопор, который что-то плохо вкручивался. – Душа ее ни об чем так не убивалась, как об нем!..

Маня вытащила длинную влажную пробку и понюхала – по правилам обязательно нужно понюхать. Пахло хорошо, как будто листьями, травой и черной смородиной.

Вот если, к примеру, позвонить Викусе или Катьке Митрофановой, они непременно приедут и ее спасут! Пожалуют бедную усталую Маню, дадут поесть, расскажут, как там, на воле, где постепенно разгорается лето!..

Викуся еще, должно быть, скажет, что дождик сейчас был бы очень кстати, а то у нее на даче огурцы горят, или, может, петрушка, или баклажаны, Маня в огородничестве ничего не смыслила... Тетя очень любила дачную жизнь и всячески пыталась приобщить к ней племянницу, но что это за дача – шесть соток с грядками, ступить некуда, садовый домик в полторы уютные комнатки, где в одном углу ютились плитка с газовым баллоном и стол, крытый жесткой изрезанной клеенкой со скрученными от старости краями, а в другом лопаты, грабли и ведра – все это внутри, чтоб не сперли!..

Впрочем, в прошлом году Викуся «окончательно решила», что так больше продолжаться не может и племянница должна переехать за город и ни минуты не задыхаться больше в «душной Москве, ни одной минуты!». Был прикуплен участок где положено, на северо-западе, правда, в чистом поле, ни деревца, ни кустика, только развороченная бульдозерами земля до самого горизонта. Ни Маня, ни Викуся толком не знали, как именно следует строить загородные дома, и дело продвигалось медленно и совсем не так, как представлялось в начале дачной эскапады. Круглый, утирающий красное лицо и подпрыгивающий на месте, как пыльный детский мячик, дядька-прораб во всем с Викусей соглашался, называл ее «хозяйюшка», но поделаться ничего не мог – строили кое-как, и выходило очень дорого. Викусе постепенно все надоело, хотя она и делала вид, что не сдастся, и в последнее время они даже стали ссориться с

Маней. Тетушке казалось, что Маня все «свалила на ее плечи, а сама ничем не интересуется».

В общем, так оно и было, но интересоваться у Мани решительно не было возможности и сил – она зарабатывала деньги на «большое строительство».

Тут писательница Поливанова вздохнула, сознавая собственное несовершенство.

...Вот если бы у меня была дача в Малаховке, с соснами и зарослями бузины и жасмина, в которых всегда таинственно и прохладно, с самоваром, растопленным на шишках, с дивным кустом пионов под окном спальни – окно распахнуто, ветер вздувает кружевную штору, – тогда бы я непременно...

В дверь позвонили.

Обрадованная Маня кинулась открывать – вернулся, ура, ура, сейчас вместе будем пить вино и заедать его сыром, это ведь так вкусно, – и только у самого порога сообразила, что Алекс не стал бы звонить. У него ключи есть.

Маня Поливанова нажала кнопку на домофоне и сначала удивилась, потом огорчилась, а потом решила притаиться.

Никого нет дома!..

– Поливанова, открывай! – во весь голос закричал человек на площадке, и она подалась назад от неожиданности. – Давай, давай, шевелись! Где ты там пропала?..

Маня с другой стороны двери несколько раз стукнула лбом в стену, помедлила и отперла. Деваться теперь некуда.

– Ты спишь, что ли, кулема?! – Незванный гость, который, как известно, хуже татарина, отдуваясь, протиснулся мимо нее. – А лифт чего, не работает?

– Про лифт не знаю, а я работаю, – холодно сообщила Маня Поливанова. – Привет, Анатолий. Проходи. Ты бы хоть позвонил сначала, что ли!..

– А я телефон вчера про... подевал куда-то! А про работу свою ты мне-то не заливай! – Один об другой он стянул с ног ботинки и приложился к Маниной щеке мокрым поцелуем. От него пахло дорогим одеколоном и чуть-чуть спиртным. – Журналистам будешь заливать! Можно подумать, я ничего не знаю про твою работу!

Маня немедленно поклялась себе, что заводиться ни за что не станет. Она будет мила, гостеприимна, любезна, как и полагается со старым другом.

– Ну чего? – Он оглядел ее с головы до ног. Маня машинально пригладила очень короткие растрепанные волосы. – Все толстеешь?..

Он пошел по коридору совершенно по-хозяйски и велел издалека:

– Займись физкультурой, Машка! Похудеть не похудеешь, но хоть расти как на дрожжах перестанешь!..

...А что поделаешь?.. Старый друг. Лучше новых двух. Где бы взять двух новых и обменять их на этого старого?..

– Или не жри после шести! Вот я перестал и – видишь?..

В глубине коридора он стал к ней боком и втянул живот изо всех сил. Маня сказала, что видит.

– Я после шести только из-за компьютера вылезая, – словно оправдываясь, добавила она. – Или после восьми. А бывает, и ночью, смотря как пойдет!

– Поливанова, ну чего ты?.. Как будто я твоих книженций не видал! Это ж все задней левой ногой делано, их можно дюжину в неделю писать!.. И людей можно нанять, они все за тебя напишут, какая, на хрен, разница!.. Это же вообще не работа.

Маня Поливанова никогда не могла понять – старый друг оскорбляет ее намеренно или у него просто такие... своеобразные представления о ней и ее жизни?..

– А где твой гений? Бросил тебя уже или еще нет?

– Еще нет, – бодро откликнулась Маня. – Хочешь вина?

– Смотри ты! – удивился Анатолий. – Сколько он уже продержался? Год? Или даже больше?.. Вина я не пью, ты же знаешь, я лучше коньячку достану!..

И полез в пузатый прадедушкин буфет.

Маня постояла в дверях гостиной и ушла на кухню. Внутри головы у нее образовался крохотный, как будто свинцовый, шарик, очень тяжелый и холодный. Маня знала, что дальше он начнет неудержимо расти, и часа через два вместо головы у нее будет огромный, холодный металлический шар.

Маня плеснула себе вина, залпом выпила и достала из холодильника сыр.

– Есть нечего, конечно? – осведомился Анатолий, появляясь на пороге. В руках он держал увесистую круглую бутылку и два коньячных бокала. – Ну до чего вы, бабы, дуры, а?.. У тебя же вроде мужик в доме, а на стол подать нечего!

Маня, которая считала себя образцовой хозяйкой, возразила, что к приему гостей сегодня не готовилась и закупками провианта не занималась.

– И потом, ты же после шести не ешь, – напомнила она с некоторым злорадством. – Соблюдаешь красоту.

Он махнул на нее рукой.

– Один раз можно. На меня бабы знаешь как бросаются?..

– Как? – тут же спросила Маня, и Анатолий глянул на нее с подозрением.

Фамилия его была Кулагин, Анатолием он стал непосредственно по прочтении бессмертного романа графа Толстого «Война и мир». Анатолий Куракин – вот кто перепахал его неокрепшее юношеское воображение! Маня смутно помнила разговоры в семье о том, что дедушка и бабушка нынешнего Анатолия, тогда еще просто Толика, были всерьез обеспокоены и делились переживаниями с

Маниными родственниками. Со всей силой изобразительного таланта граф, как известно, живописал Анатоля первостатейным подлецом, и что именно привлекало в нем Толика, для бабушки и дедушки оставалось загадкой. Маня помнила какие-то тревожные разговоры про «молодое поколение», «крушение идеалов», «слишком легкую жизнь».

Тревожные разговоры велись в этой самой квартире, за чайным столом, под молочной люстрой на бронзовых цепях, заливавшей уютным светом белую скатерть. Под этим светом особенно желтыми, яркими казались мармеладки «Балтика», облепленные бриллиантовыми крупинками сахара и вкусно уложенные в хрустальную вазочку.

После «Войны и мира» начались проблемы посерьезнее – «дурная компания», «чуждые ценности», «антисоветские элементы». Помнится, даже случилось совсем ужасное – прослушивание «Голоса Америки»! В той самой дурной компании, разумеется.

Мальчик, разумеется, умный и тонкий, не умел сопротивляться тлетворному влиянию, и решено было забрать его из МГИМО и отдать в ПТУ, кажется, по специальности стропальщика, а может, оператора станков с числовым программным управлением. И вроде даже отдали!.. Впоследствии Анатолий своим пролетарским андеграундным прошлым очень гордился – еще бы, сходил в народ и выжил!..

Впрочем, пребывание «в народе» ничего не изменило, он «стремительно катился под горку», набирая обороты. Бабушку и дедушку признали не справившимися с воспитанием, и тогда решено было из ПТУ отправить мальчика в Париж, где жили родители. Папа Анатоля состоял на очень большой и совершенно безопасной должности – то ли представителем ЮНЕСКО где-то, то ли советником по культуре при ком-то.

Жизнь, и до этого прекрасная, тут уж стала просто фантастической!.. Родители, милые и культурные люди, обременять себя не любили. Они потрепали шалунишку по длинным патлам в битловском стиле, рассеянно посоветовали «не дурить» и определили в знаменитый буржуазный университет. Папа ловко все устроил – простой советский паренек Анатолий Кулагин приехал «по обмену» из ПТУ непосредственно в Сорбонну!.. Здесь он моментально выучился блестяще говорить по-французски, курить травку и писать стихи.

Университетские подружки считали, что он не лишен поэтического дара, в котором есть что-то от Бодлера.

Лет двадцати Анатолий женился первый раз, кажется, на бразильянке, а может, на мексиканке. Родилась дочка Роксолана, Рокси, чернокудрая и черноглазая красавица, чудесное скрещивание рас и смешение кровей. Вскоре ее мать окончила курс и отбыла к себе в Рио, а может, в Мехико, и все устроилось наилучшим образом, абсолютно для Анатолия необременительно.

Постепенно все умерли – дедушка с бабушкой, кажется, от огорчения из-за внука, так и не ставшего «порядочным человеком», и из-за коммунизма, так и не ставшего светлым будущим всего человечества. И во внука, и в коммунизм они верили свято и умерли, когда верить стало не во что и не в кого.

Потом родители. Отца разбил инсульт, когда новая власть бесцеремонно выпроводила его на пенсию, заставив сдать дела какому-то проходимцу, носившему пиджак из блестящей негнувшейся ткани и беспрестанно жевавшему жвачку. Возможность купить жвачку за двадцать сантимов на любом парижском углу ввергала проходимца в экстаз. Мать какое-то время судорожно пыталась спастись от жизни, внезапно рухнувшей на нее, приставала к сыну, плакала, смотрела замученными глазами и все рассказывала, как он, маленький, ждал с работы отца. Дело происходило на даче, куда всех без исключения привозили черные «Волги», а он, совсем малыш, как-то научился различать именно отцовскую и ковылял с крыльца навстречу, и няня все боялась, что ребенок упадет, а он не упал ни разу!..

Анатолию было не до матери и ее глупых воспоминаний, и она тоже вскоре умерла.

На трагедии, сотрясавшие его семью и страну, он особенного внимания не обращал. Ему жилось прекрасно.

Во Франции остались связи, да еще какие! Одно время он бойко переводил для журналов, а потом французская жена ввела его в богемные круги, и он приналег на пьесы новых российских драматургов для экспериментальных парижских театров. Пьесы были ужасны, разумеется, про извращенцев, действительность вывернута наизнанку до такой степени натуралистично, что зрителей тошнило в проходах, – настоящий, большой успех!.. Анатолий и сам написал одну, где мать и

сын сожительствоуют друг с другом, и втроем сожительствоуют с каким-то клошаром, а потом кто-то из них перерезает кому-то вены чайной ложкой, которую несколько минут точит на авансцене, и с первого раза перерезать не получается, а потом все удается, и тогда этой же ложкой герой пилит себе горло, и кровь вырывается фонтаном, и в финале безумная мать качает на коленях своего умирающего в страшных мучениях любовника-сына с перерезанным черным горлом и поет ему смешную детскую песенку.

Об этой его пьесе даже написали в левацкой газете.

Потом ему все надоело, и француженка надоела, они все с годами становятся скучными, как длинный и узкий шкаф с давно прочитанными книгами!.. Несколько раз она принималась всерьез толковать ему о ребенке, о загородном доме, о том, что в душном и пыльном Париже невозможно растить детей, о совместном счете на будущий университет для будущего отпрыска, о кредитах, о своем папочке из Нормандии, готовом выделить для зятя часть бизнеса, – ужасно.

Анатоль развелся и уехал в Москву, где было гораздо веселее!..

Власть переменилась, социализм обратился в капитализм, и не просто какой-нибудь завалящий, а «со звериным оскалом», но у руля, вот ведь странность, остались те же отцовские приятели, торжественно сжигавшие свои партбилеты прямо перед телекамерами, или их подросшие сыновья, все хорошие и милые люди. Но если в махровые совковые времена путать «свою шерсть с государственной» все же считалось преступлением, за которым могло последовать наказание, то нынче все стало гораздо проще. Выражение «все вокруг колхозное, все вокруг мое» приобрело совершенно прямой, ясный и понятный смысл. Друзья и знакомые стремительно и неудержимо богатели, гребли под себя, обзаводились охранниками и бронированными автомобилями – все же конкуренция высока, а оскал «звериный»! Анатолий к богатству был равнодушен, именно потому, что в нем вырос, и честно не понимал, для чего нужно день и ночь ковать деньги, если они и так есть всегда!

Он опять переводил, только теперь наоборот, с французского на русский, кутил по ресторанам, поигрывал в рулетку, но никогда не увлекался, ибо был довольно скуп. Потом лихие разбойничьи времена миновали, постепенно сползли в скуку, обложенную для тех, кому повезло, со всех сторон мешками с миллионами, как горячечный больной обложен пакетами со льдом. Им стало ясно, что нужно как-

то развлекать себя, а кабаки, бордели, иностранные тачки и браслеты «Картье» уже не вызывали аппетита. Захотелось чего-то эдакого, европейского, как его там... джентльменского чего-то захотелось!

И Анатоль вновь пригодился.

Его одноклассник прикупил радиостанцию и позвал Кулагина работать в эфир, а еще один знакомец учредил журнал, и Анатоль стал пописывать и называться модным словом «колумнист».

Наш колумнист Анатоль Кулагин!..

Дедушкина и отцовская квартиры, одна окнами на реку и Кремль на той стороне, а другая на Третьяковскую галерею, сдавались за какие-то несусветные деньги, сам колумнист и радиоведущий жил на даче, приятель – владелец автосалона – пригнал ему из Германии почти новую машину, еще не виданную в России, и продал за треть цены, по-дружески, по-свойски.

В Москве Анатоль моментально заделался членом высшего общества и аристократом в третьем поколении. Из низов туда тоже пробилось немало! И все эти пробившиеся, плохо образованные, жадные, не умеющие по первости как следует управляться с ножом и вилкой, сующие заскорузлые кулачищи в карманы итальянских брюк ручной работы, чтоб от нечего делать погреметь там ключами или мелочишкой, ковыряющие в ушах во время многомиллионных переговоров, заедающие столетний виски салатом «Оливье», вот они-то считали Анатоля с его парижским и кунцевским дачным прошлым образцом стиля, хорошего воспитания и аристократизма! Ему даже подражать пытались, но так носить пиджаки и клетчатые шарфы, курить сигары и выбирать устриц не умел никто!

Он женился еще раза три, все так же необременительно, а лет в сорок «полюбил по-настоящему».

Возлюбленной в то время едва стукнуло семнадцать, и она покоряла Москву на свой лад в каком-то модном клубе, где ее и подцепил Анатоль. Маня Поливанова, с которой он снисходительно дружил в память о прошлом и еще потому, что дружить с ней было не стыдно, какая-никакая, а знаменитость, даже уговаривала его «не делать глупостей и оставить девчонку в покое».

На проститутку новая возлюбленная была не похожа, напротив, все мерзкое, столичное, разложившееся ненавидела. Она носила джинсы в обтяжку, а сверху цветастую цыганскую юбку, на голову повязывала бандану туго-туго, сверху пристраивала темные сиротские очки в духе Джона Леннона, катала в зубах толстую папиросу – совершенно по-одесски – и всерьез рассуждала о Гессе. А когда Анатоль приводил ее на Покровку, учила Маню жизни.

Маня слушала, вздыхала, курила, взглядывала поверх очков и старалась помалкивать.

Девчонка презрительно фыркала на Манины паркеты, просторы, полосатые оттоманки, латунные ручки и льняные занавески. Она то и дело выскакивала на балкон – в прадедушкиных хоромах «ей было нечем дышать и воздуха не хватало». На балконе она перевешивалась через перила, как будто ее тошнит. Маня поначалу пугалась.

Своего прадедушку, знаменитого авиаконструктора Поливанова, строившего во время войны легкомоторные бомбардировщики, получившего Сталинские премии, ордена и звания, Маня очень любила и гордилась им. В энциклопедии конструктору Поливанову была посвящена целая страница! Девчонка же именовала его «приспешником тирана» и утверждала, что всех таких непременно нужно судить посмертно показательным судом за то, что они «работали на режим и укрепляли власть сатрапа, вместо того чтобы честно бороться!».

Маня ничего этого слушать не могла и особенным терпением никогда не отличалась, так что все гостевания сей странной пары на Покровке, как правило, заканчивались скандалами.

Анатоль скандалы любил, а Маня ненавидела.

И с девчонкиным именем вышла путаница!..

Поначалу она была вроде Настя Обдуленко, но Анатоль решил, что такое имя прелестнице не слишком подходит, загадочности мало, да и вообще за версту разит Одессой и Привозом, и переименовал ее в Асю Ленко, решив, что без «обду» фамилия выйдет гораздо благозвучнее.

Некоторое время приятели, и Маня тоже, разучивали новое имя и уже почти разучили, когда Анатолий опять ее переименовал!.. Теперь девочку следовало называть Таис Ланко. Таис худо-бедно при некоторой фантазии и перестановке букв могло сойти за сокращение от Анастасии, а Ланко звучало на редкость по-французски, а все французское Анатолий любил.

Кроме того, от Таис Ланко до Манон Леско совсем уж рукой подать!

– Ты играешь в аббата Прево? – спросила Маня, первый раз услышав новое имя возлюбленной Анатолия, а девочка – знаток Гессе и литературы вообще – наивно спросила, при чем тут аббат.

В общем, и смех и...

– Грех, – под нос себе пробормотала Маня и глотнула еще вина, шут его знает, может, и тосканского, – и грех, и смех...

– Что ты там бормочешь? – Анатолий залпом хлопнул коньяку, довольно прилично, покопался в тарелке с сыром, ничего не выбрал и шумно выдохнул. – Развожусь я, Машка. Все. Больше не могу.

– Как?! – воскликнула Поливанова без особого энтузиазма. – Опять?!

– Вот что такое, а? – Анатолий вдруг покраснел и быстрым движением плеснул еще коньяку. – Вот чего ты мне сейчас морали будешь читать? Не учи взрослого дяденьку жизни, Машенька! Я гораздо больше тебя понимаю! И я говорю – немо-гу! Все!

Маня вздохнула.

Хоть бы Алекс быстрее вернулся со своего интервью! Яблоко и колбасы не привезет, конечно, но Анатолия... разгонит. Непонятно, почему так получилось, но Анатолий Кулагин Александра Шан-Гирея не то чтобы недолюбливал, а... как будто побаивался, что ли!..

Алекс никогда не вступал ни в какие дискуссии, в присутствии Таис Ланко вообще молчал. Поначалу Таис воинственно насаживала на него с обвинениями,

что, мол, Алекс пишет мелкобуржуазную прозу для старичков и импотентов, а писать нужно о том, что сатана грядет, и сгнивший мир смердит, как разложившийся труп, и черное солнце вот-вот встанет на Западе и возвестит, что настал последний передел.

Алекс какое-то время слушал, а потом неизменно спрашивал, очень вежливо:

– Хотите кофе? Или бутербродов? И хлеб, и колбаса у нас обыкновенные, от Елисеева.

Таис не понимала, почему Маня в этот момент всегда улыбалась, а Анатоль, наоборот, раздражался и говорил любимой, что она «чудовищно необразованна».

С самим Анатодем Алекс разговаривал вполне дружелюбно, но как-то слишком отстраненно, словно британский принц с королем Свазиленда Мсвати Третьим, явившимся на прием в Букингемский дворец в плетеной соломенной шляпе. Вроде и придраться не к чему, и протокол соблюдается, но тесного общения на равных никак не выходит.

В кулуарах Анатоль называл Алекса «хрен с горы» и еще – «наша гребаная знаменитость».

Алекс, в свою очередь, под разными предлогами уклонялся от участия в передаче, которую вел на радио Анатоль, и предложение написать колонку в тот же журнал отверг решительно.

В общем, дружбы двух талантливых и сильных мужчин не получилось.

– И слава богу, – вслух подумала Маня.

– Чего там слава богу?! – взвился Анатоль. – У нее ребенок, она меня разденет, как липку!

– Кто? – не поняла Маня, думавшая о своем.

– Таис, кто еще! – Он придвинулся и заговорил со страстным придыханием: – Машка, найди хорошего адвоката, а?! Ты же вроде с Глебовым дружишь! Пусть он ее голой оставит! Как подобрал нищенку подзаборную, так под забор и выброшу! А дочка чтоб со мной!.. А то ведь увезет в Одессу мою девочку, к биндюжникам своим, сука недотраханная!..

– Стоп, – приказала Маня. – У тебя, Толечка, своих адвокатов небось пруд пруди. Никого я тебе искать не буду. И что такое ты в голову взял?! Зачем тебе ребенок? Ей шесть лет всего! А тебя дома никогда не бывает, ты путешествовать любишь, эссе пишешь, рестораны уважаешь. Кто с ней будет заниматься?

– Дура! – Анатолий топнул ногой так, что перепуганно зазвенели высокие рюмки в прадедушкином буфете. – Нет, ну дура же, а?!. Все вы, бабы, одним местом думаете! Я что, должен Нийку отдать ее любовникам?! Чтоб она от них там набралась...

– Нет, конечно, ее лучше отдать твоим любовницам, – перебила его Маня. – Они все, как одна, готовы заступиться на вахту, да?.. И от них она как раз наберется только хорошего, доброго!

Девочку звали Нийя – очень красиво и очень непонятно, – и бесконечные родительские скандалы к шести годам превратили ее в совершенную неврастеничку. Ее то осыпали поцелуями и подарками, то отсылали к бабушке в Одессу, то вдруг забирали обратно в Москву, то устраивали в подготовительный класс для детей элиты, то неожиданно начинали воспитывать в суровых православных традициях – в зависимости от настроения и от того, кто из родителей в очередной раз выиграл мелкую или крупную баталию.

Маня девочку Нийю не любила, стыдилась этого и старалась делать вид, что любит. Нийя, совершенно запуганная и задерганная родителями, знай только закатывала истерики по любому поводу.

– Нийка – моя дочь, она должна жить в Москве, учиться в Париже, ездить на море, а эта дрянь безмозглая ничего подобного ей дать не сможет и пусть катится на все четыре!.. Ты это хоть понимаешь?! Да где тебе! У тебя детей не было никогда!

Маня промолчала.

...Хоть бы Алекс скорее приехал!

- Безмозглая дрянь жила с тобой... сколько? Семь лет-то точно! И это она родила твою дочь, которая должна жить в Москве и учиться в Париже.

- Да от меня любая бы родила, и счастлива была б, что я ее обрюхатил!.. В ногах бы у меня...

- И выхода у тебя теперь никакого нет, Толя. Что бы ты сейчас ни орал, твоя жена в любом случае останется матерью твоего ребенка. Навсегда. До самой смерти. И ты должен будешь с ней договариваться.

- Я не стану с ней договариваться! Договариваются с теми, у кого в голове есть разум, а у вас, у баб...

- Ты зачем ко мне пришел, Толя?

Он удивился совершенно искренне:

- Как зачем? Поговорить! Ты мой самый старый друг, Машка, хоть и баба! Дай совет, а?.. Вот что мне теперь делать? Я же ее любил, так люби-ил!.. А она за все добро, что я для нее сделал, в душу плюет! Любовника завела и собирается Нийку увезти и спрятать.

- Про любовников слушать не желаю, - сказала Маня. - Ты первый начал. Ты же ни одной юбки не пропускаешь!.. И даже не скрываешь ничего.

- Я мужчина, и у меня потребности.

- Ты бы свои потребности или придержал малость, или удовлетворял где-нибудь в сторонке, где никто не видит. А ты с каждой пассией для желтых журналов фотографируешься! И что твоя жена должна делать? Любоваться, что ли, на эти потребности твои?

- Помалкивать она должна! Я ее содержу, кормлю, пою, одеваю!.. Я ее в прошлом году во Францию на две недели возил, туфли купил за четыреста...

– Заткнись.

Он осекся.

– Что?

– Ты скотина.

Неизвестно, что было бы дальше, потому что Анатолий тяжело задышал и сощурил бешеные желтые глаза, а Маня поднялась, сразу став на голову выше его, и потными от гнева пальцами крепко взялась за ножку бокала, из которого пила, и даже с наслаждением представила себе, как выплескивает содержимое ему в лицо и красное вино заливает его неопрятную, мятую на животе рубашку, но тут где-то очень далеко произошло какое-то движение, негромко хлопнуло, и Алекс позвал:

– Маня?

Она моргнула, посмотрела на свои стиснутые пальцы и осторожно их разжала.

...Матерь божья! Кажется, пронесло.

Маня выскочила в коридор, очень длинный и темный, как во всех старых домах, и потрусилась к двери.

– Господи, какое счастье, что ты приехал!..

На полдороге она остановилась и прищурилась за очками.

Он приехал, но не один.

Это было вполне в его духе – привести в дом людей, даже не предупредив.

– Добрый вечер, – злобно поздоровалась писательница Поливанова, и Алекс быстро на нее посмотрел. В руках у него была какая-то коробочка, и он сунул ее на прадедушкину полку для шляп, довольно высоко.

Люди, пришедшие с ним, вразнобой поздоровались.

Алекс подошел и взял ее за руку, горячую и потную.

– Нам нужно закончить интервью, – сказал он, рассматривая Манину физиономию. – Почему-то именно на моем рабочем месте.

– А вопрос «где вы берете сюжеты» уже задавали?

– Маня, познакомься, это Ольга Красильченко, журналистка, а это...

– Вы та самая знаменитая тетя, да? – воодушевилась Маня и высвободила руку. – Дэн нам все уши про жужжал!

Знаменитая тетя как будто споткнулась, клюнула носом и уставилась на Маню. Болтнулись взад-вперед очки на цепочке, а пухлые щеки покраснели, как у маленькой девочки.

– Дениска всегда рассказывает... невесть что, – выговорила журналистка.

Дэн Столетов, Ольгин племянник, здоровенный, лохматый, громогласный, работал в журнале «День сегодняшний» и дружил с Володей Береговым из издательства «Алфавит», а с некоторых пор еще и с Маней и Алексом. Когда несколько месяцев назад Берегового чуть было не засадили в каталажку, Дэн поднял на ноги всех – даже Екатерину Митрофанову, начальницу Берегового, которая его недолюбливала, и эту свою тетю Олю, на самом деле первоклассную и очень опытную журналистку, – и как-то само собой получилось, что теперь они «близкие люди», почти родственники. Говорят, так всегда бывает после испытаний, которые люди проходят вместе.

Шут его знает, может, и вправду бывает. По крайней мере, Мане Поливановой казалось, что она знает Дэна много лет и в детстве они ковырялись в одной песочнице. Хотя этого никогда и не было!

– Так это вы делаете интервью, Ольга? Алекс, нам повезло! Значит, вопроса «где вы берете сюжеты» не будет.

Тетя Дэна смутилась еще пуще, а Алекс слегка дотронулся до Маниного плеча – предостерегающе. Насилу понял, что она во взрывоопасном состоянии!..

– Ольга, это Марина Покровская. Автор детективных романов.

Про Маню Алекс почему-то никогда не говорил, что она – писатель.

– Проходите! – И автор Покровская сделала хлебосольно-приглашающий жест рукой. – У нас сегодня полно гостей.

Она не сказала, что ее можно называть «просто Маней», и не обратила никакого внимания на другую вошедшую, которая сосредоточенно сопела у самой двери, и Алекс понял, что дело серьезнее, чем кажется на первый взгляд.

Что-то ее расстроило, и сильно. Или работа сегодня пошла не так?.. Или она зла на него, что не позвонил?.. Впрочем, он никогда не звонил и считал, будто давно приучил к этому Маню.

Цыган, говаривала Поливанова, тоже приучал свою лошадь не есть. И она уж почти привыкла, да только с голоду сдохла.

– ...вы извините нас, пожалуйста, – приглушенно бубнила на заднем плане Ольга Красильченко, – нам нужны фотографии с рабочего места Алекса, и я бы задала ему еще буквально пару вопросов!.. Их задавать имеет смысл только там, где человек живет, в общественном месте не годится...

– Пожалуйста, пожалуйста, сколько угодно! – фальшиво восклицала Маня. – Да вы проходите, не стесняйтесь! Мне, правда, угощать вас нечем, Алекс не предупредил, что будут гости.

– Ничего, ничего не надо, что вы! И мы не гости, мы всего на пять минут, только закончим работу и не станем вам надоедать...

– Ты чего такая злая? – в ухо Мане спросил Алекс.

– Ничего.

– Что-то случилось?

– Ничего.

– Мань, у меня кроссовки не снимаются, я в них пройду?

Она судорожно поправила на носу очки и уставилась в угол, где возилась безмолвная до этой минуты вторая гостья.

Девушка Таис Ланко выбралась на свет, небрежно, снизу вверх, кивнула Мане и спросила равнодушно:

– Ты чего уставилась? Я фотографирую! Я же фотограф!

О фотографических упражнениях супруги Анатоля Маня знала не понаслышке. Когда девчонка только явилась в Москву и Анатолий обрел ее в качестве «единственной любви», выяснилось, что никакой профессии у нее нет и приставить ее к делу будет довольно затруднительно, потому как ярко выраженных пристрастий, а также образования нет тоже, а ему очень хотелось, чтобы она чем-то... «занималась». Все же он был много старше, опытней и умнее и понимал, что приспособить строптивую семнадцатилетнюю красотулю сразу и навсегда к домашнему хозяйству вряд ли удастся.

«Занятия» придумывали довольно долго и всем миром. Сначала собирались пристроить ее на радио, но она говорила нараспев и еще так: «Сама я с Одессы», а это для радио ну никак не годилось. Потом вроде определили в журнал бумажки перебирать, но она там фрондерствовала, бумажки путала, на звонки отвечать не умела и то и дело сбегала в курилку, где было гораздо интереснее. Тогда решили, что она станет фотографом! Было куплено оборудование, – камера, объективы, штативы и лампы – пройдены ускоренные курсы, и несколько главных редакторов, старинных знакомцев Анатоля, скрепя сердце стали поручать ей несложные съемки.

Так продолжалось какое-то время, потом родилось дитя, Анатолий пустился во все тяжкие, начались скандалы, девчонка время от времени безутешно рыдала в жилетки тех же главных редакторов, взрослых, умудренных, тертых мужиков. Они ее утешали и, несмотря на то что, просматривая результаты «фотосессий», все, как один, тяжело вздыхали, но заказы все же давали – жалели дурочку.

Работа тоже в основном была «по знакомым». К чужому человеку девчонку не отправишь, она того гляди завернет там что-нибудь про искусство для импотентов или снимок забацает, где у «звезды» один глаз закрыт, второго будто и вовсе нет, а изо рта слюна брызжет, выложит в Интернет и станет там рассуждать, что «в неприкрытой правде и есть суть фотографии»! Один сердобольный из редакторов так и попал, судился потом со «звездой», которая про «неприкрытую правду» слушать не желала, а напирала на «ущемление чести и достоинства» и процесс выиграла!..

Между тем Таис Ланко вооружилась фотокамерой, прицелилась и зачем-то запечатлела задницу Алекса, который как раз нагнулся, чтобы убрать с дороги ботинки.

– Ну, все в сборе, – бодро объявила Маня, которая решительно не знала, что теперь делать, и опасалась скандала в присутствии журналистки Ольги Красильченко. – Может, чайку?.. Таис, у меня как раз гостит твой муж.

Алекс хотел что-то сказать, даже рот открыл, но передумал. Журналистка маялась, чувствуя в атмосфере потрескивание электрических разрядов, а Таис Ланко фыркнула и повела плечиком под сиротской тужурочкой из негнущегося, скрипящего, как неисправные тормоза, кожзаменителя – давно миновали времена, когда Анатолий раскошелывался на наряды для супруги!..

– Мы сейчас очень быстро все закончим, – вновь горячо пообещала журналистка, подняв голову, посмотрела на высоченную Маню и улыбнулась ей, как старшие улыбаются малышам. – Вы не волнуйтесь, Марина.

– Да я не волнуюсь. Алекс, я так понимаю, что твое рабочее место – это мое рабочее место? В кабинет проводить?

Знаменитый писатель Лорер в кабинете отродясь не работал. Он вообще никогда не писал в каком-то... специально отведенном месте! Таскался со своим ноутбуком из кухни в прадедушкину библиотеку, а оттуда в спальню, непременно устраивал вокруг себя «гнездо», как это именовала Маня, из книг, старых журналов, музыкальных дисков, обрывков каких-то записей и разномастных листочков с нарисованными рожицами и выписанными цитатами. Когда он был «в тексте», ничего вокруг не видел и не слышал и однажды таким макаром улетел вместо Парижа в Амстердам – в зале ожидания во Франкфурте,

где была пересадка, строчил роман и, дописывая на ходу, ушел в другой коридор, и очнулся, только когда его хватились и французский издатель, обеспокоенный отсутствием знаменитого писателя, стал названивать по всем телефонам.

Подруга Митрофанова несколько раз всерьез толковала Мане, что он полоумный и его нужно лечить у специального врача.

Поливанова проводила всех в кабинет, с тоской думая о том, во что они сейчас превратят ее рабочее место, – девчонка щелкала затвором, все снимала, хотелось бы знать, что именно! – и вернулась на кухню.

Анатоль с воинственным видом болтал в пузатом бокале коньяк. Маня хмуро принялась составлять на поднос чашки.

– А я знал, что она приедет! – мстительно сообщил старый друг – лучше новых двух – и, перегнувшись, выглянул в коридор, где никого не было. – Еще вчера объявила, что ей заказали твоего хрена с горы!.. Тоже мне, нашли фотографа!

– Это ты всем объявил, что она фотограф. Она не сама придумала.

– Вот чего он всем дался, а?.. Нет, ты мне скажи! Ну что, он в самом деле хороший писатель, что ли?! Чего такого он написал, почему все кипятком писают?! Нет, по европейским меркам оно, конечно, может, и написал, но там никакой литературы давным-давно нету, и культурный процесс скатился ниже...

– Да.

– Чего – да?

– Он хороший писатель.

– Ой, ну брось, а?.. А то я не понимаю в писателях! Ты так говоришь, потому что он тебя трахает и до сих пор не бросил! А вам, бабам, только и надо, чтобы трахали как следует, тогда в каждом мужике вы видите... царя! Вы ведь лишь прикидываетесь порядочными, а на самом деле вы самки, все до одной! Вы все хотите нравиться и трахаться, и если вас не иметь, вы же не простите! Для вас

только тот мужик, который...

- Вас вывести или уйдете сами?

Маня чуть не уронила прабабушкину чашку, которую уже минуту без толку терла полотенцем.

Вид у хорошего писателя, стоявшего в дверях, был абсолютно безмятежный. Кажется, даже веселый.

Маня улыбнулась ему грозной улыбкой. Щеки у нее горели тяжелым румянцем. Ах, как Алекс знал и эту улыбку, и румянец!..

- Свари мне кофе. Я что-то сплю целый день.

- А потому что не надо до четырех утра в книжках рыться!

- Мне больше некогда рыться. Ну так что, Анатолий? Уйдете сами или устроим сцену с выволакиванием?

Анатолий медленно и очень выразительно встал, не менее выразительно выплеснул в себя коньяк, сглотнул и с показательным грохотом поставил стакан на стол.

- Значит, так, - начал он, и Алекс подумал с некоторой насмешкой: видимо, все проделанное означает, что придется выволакивать, - я пришел не к тебе, и дом этот не твой! И указывать мне на дверь ты не смеешь!..

Алекс вздохнул.

- У нас полно посторонних, - скороговоркой напомнила ему Маня. - Будь осторожен.

- Никто ничего не заметит, Маня.

– Кто ты такой?! Ты вообще никто, пшик! Книжный червь! Бледная поганка! – И Анатоль зачем-то плюнул на пол. – Я тут всю жизнь провел, а ты!.. Какое право ты имеешь мне указывать! Я всегда правду говорю, вон Машка знает и меня за это уважает! И если я говорю, что она б...дь, значит, это правда!..

Алекс Лорер – хороший писатель, книжный червь и бледная поганка – одним движением крепко взял Анатоля за руку и за плечо.

Анатоль словно по команде выпучил глаза, коротко прохрипел невнятное, дернулся и нагнулся вперед, будто собираясь искать что-то на полу.

Маня отвернулась. Она знала, что Алекс умеет проделывать всякие такие штуки и время от времени даже проделывает, но смотреть на это не желала.

Ведя Анатоля впереди себя, как непослушную собачку на коротком поводке, Алекс вышел в коридор и пропал. Появился через некоторое время без всякого Анатоля и вежливо напомнил ей про кофе.

Маня достала турку, водрузила на плиту и покосилась на него. Щеки у нее по-прежнему горели, хотя в кухне стало как будто значительно просторнее и легче дышать, и окно она распахнула настежь.

– Что это ты так разошелся?

Он пожал плечами.

– Ты чего разошелся, а?!

Он вдруг улыбнулся очень весело:

– Должен ли я сказать, что не позволю никому оскорблять тебя? Или можно не говорить?

– Можно не говорить, – буркнула Маня. – Кофе в кабинет подам.

– Спасибо.

Она нагнала его в длинном темном коридоре, повернула к себе, обняла и припала.

– Как я устала, ужас. И Анатолий приперся!.. Я думала, ты один приехал, а оказалось... У тебя надолго еще этот конфитюр, в смысле интервью?..

Алекс потерся щетиной о ее горячую щеку.

– Знаешь, я думаю, надолго. Она очень... въедливая журналистка, эта Ольга.

Маня вздохнула.

– Я так с голоду помру. Совсем. Окончательно. Ты бы хоть привез чего-нибудь!

– Откуда? С интервью? А теперь извините, мне нужно в бакалею?..

Маня фыркнула ему в волосы, в тысячу первый раз мельком подумав, что это несправедливо: такие ресницы и кудри должны были барышне достаться, а достались...

Кабинетная дверь распахнулась, прямоугольный кусок теплого вечернего солнца упал на них, прижавшихся друг к другу. Алекс зажмурился.

Журналистка Ольга Красильченко ойкнула, засуетилась, заоборачивалась и юркнула обратно в кабинет.

Из кухни громко зашипело, и, кажется, что-то там полилось.

– Кофе сбежал, – сообщила Маня. – Иди, я сейчас новый сварю.

Настроение у нее стремительно улучшалось, и, собирая с плиты коричневый засохший порошок, она даже напевала себе под нос.

Может, в магазин пока сгонять, раз уж въедливая журналистка Ольга так просто не отстанет?.. А что? Вполне! До гастронома на бульваре довольно далеко, зато через три дома есть крошечная дорогушая лавочка, гордо именовавшаяся

«продовольственный бутик». В «бутике» были представлены французские паштеты и багеты, русские осетры, водки и «кавьеры», шотландские виски и испанские хамоны, в лучших традициях подвешенные к потолку на длинных веревках. Народ в «бутик» заходил больше на экскурсию, чем за продуктами, и Маня не слишком любила покупать там еду – дорого и бестолково.

Но ради такого случая – приступа любви к Алексу, изгнанному из ее дома «старого друга», – вполне можно!..

Очень осторожно она внесла в кабинет поднос с начищенными до блеска кофейником и чайником, пристроила его на прадедушкин стол зеленого сукна и сообщила, что «отойдет на минутку».

Алексу сообщение не понравилось – Маня определила это по его носу. Вслух он ничего не сказал, говорить «о личном» мешали разложенные вокруг диктофоны общим числом три штуки. Должно быть, Ольга Красильченко и впрямь очень ответственный журналист, вон как подготовилась!.. Таис Ланко на Маню вообще не обратила никакого внимания. Она скучала на прадедушкином кожаном диване, держа на худосочном животе фотоаппарат. Специальные лампы на длинных ногах, расставленные тут и там, не горели, очевидно, «фотосессия» еще впереди.

Потом нужно будет обязательно, обязательно посмотреть, что там Таис снимает, а то мало ли что...

На улице было тепло и по-летнему пустынно. Маня очень любила Москву именно летом, когда она немного освобождалась от машин и людей, становилась просторной, начинала легче дышать. На бульваре вдалеке местные мамы катили коляски и ковыляли карапузы, уже выросшие из колясок. Следом ковыляла бабушка или няня – и бабушка, и карапуз в панамках, чтоб «не напекло», бабушек почему-то всегда беспокоит, что внучку «напечет головку», хотя вечернее московское солнце решительно никому и ничего напечь не может! Машин мало, и все чистые, веселые. Чахлые липы в скверике стояли, не шелохнувшись, отдыхали. И пахло летом, волей.

...Во дворе издательства «Алфавит», обустройством и красотой которого занималась сама генеральная директриса, вскоре распустятся пионы. Маня Поливанова очень любила пионы, и Анна Иосифовна всегда преподносила ей

букет самых первых, самых свежих!..

А вот Александр Шан-Гирей никаких букетов не преподносил, хотя она несколько раз с дальним прицелом толковала ему про пионы!.. Как правило, он вспоминал о них глубокой осенью, некоторое время бестолково искал, благополучно не находил и успокоенно забывал.

В «бутике» Маня купила так много – все вкусное! – что пакеты тащила с трудом, и пришлось даже по пути сделать привал. Она пристроила грузы на лавочку, поправила на вспотевшем носу очки и оглянулась по сторонам.

Коляски катились, карапузы топали, бабушки поспешали. Как, однако, хороша жизнь!..

Из ее подъезда, до которого было уже, в сущности, рукой подать, выскочила Таис Ланко и дунула в противоположную от Мани сторону, к Садовому кольцу.

...Должно быть, Алекс и ее выставил, решила Маня. Стала бузить, вот он и выставил. А что? С него станется!.. Впрочем, нам от этого только лучше, свободнее. Хотя дело-то останется несделанным, фотографии к интервью нужны, как ни крути. Пришлют другого фотографа, на него придется потратить еще полдня!..

Маня Поливанова загрузилась в лифт, кое-как прикрыла двустворчатые тугие дверцы и локтем – руки-то заняты! – нажала выпуклую черную кнопку. Лифт в старинном доме на Покровке тоже был старинный, и кнопки правильные, упитанные, нажимавшиеся со смачным щелчком. На втором этаже лифт, медленный, как черепаха на прогулке, остановился, и вошла соседка Софья Захаровна со своей левреткой по имени Гарольд. Ей нужно было вниз, выгуливать Гарольда, но она сказала Мане, что с ней «прокатится».

– Вот времена, – уронила Софья Захаровна, сторонясь Маниных пакетов. – Женщина вынуждена сама – сама! – таскать сумки! Да еще такие тяжеленные!

Маня покивала, соглашаясь. Очки съехали на кончик носа.

Софья Захаровна не одобряла Маню, а заодно и ее не слишком приличную связь с Алексом. Во-первых, в законном браке никто не состоит. Во-вторых, в чинный подъезд с фикусами, где нет никаких чужаков, а ордера в свое время подписывал сам товарищ Калинин, с появлением Маниного кавалера повалили какие-то странные личности, утверждавшие, что они – журналисты. К чему приличным людям журналисты?! В-третьих, профессии у обоих какие-то подозрительные. Ну, что это, скажите на милость, за профессия – писатель?.. Хорошо хоть артиста не привела! Впрочем, что с нее взять, одна, без старших, присмотреть некому.

Мимо клетки, которая плыла вверх с черепашьей скоростью, кто-то громко протопал и кубарем покатился по лестнице вниз.

– Уж не ваш ли... приятель ринулся? – осведомилась Софья Захаровна.

– Думаю, что нет, – бодро заявила Маня и кое-как открыла двери причалившего лифта. Соседка никак ей не помогла. – До свидания!

В ее квартире работа шла полным ходом, и все оказались на месте, включая Таис Ланко, про которую Маня думала, что Алекс ее выгнал. Лампы на длинных ногах запалены, свету столько, что кажется, будто сейчас вытекут глаза, и жара, невыносимая, одуряющая.

...Странно. Кого же я тогда видела у подъезда?.. Или у меня галлюцинации начались в прямом, так сказать, смысле слова?..

Сегодня

Все некоторое время молчали, а Маня полезла в холодильник и налила себе нарзану – говорила долго, устала, во рту пересохло.

– Хотите? – предложила она Мишакову, и тот задумчиво кивнул.

Вода оказалась вкусной, пузырьчатой, ледяной.

...Значит, надо соседку расспросить первым делом, остальных можно потом.

Журналистку Красильченко тоже следует найти немедленно и поговорить по горячим следам, и эту, супругу-то, со странными именами!..

- Как, вы сказали, ее настоящее имя?

- Таис? Я точно не помню, но вроде сначала она была Настя Обдуленко.

- Настя - это Анастасия, что ли?

Маня пожала плечами.

- А вот вы когда возле подъезда на лавочке отдыхали, точно видели, что это она выходила?

- Мне показалось, что она. - У Поливановой сделался виноватый вид, как будто она стеснялась, что не может быть окончательно и бесповоротно полезной. Алекс ненавидел этот ее виноватый вид! - Но у меня зрение плохое, да еще астигматизм, так что...

- Не могла же она у вас перед носом проскочить, а потом оказаться в квартире! - грубо сказал Мишаков, который не знал, что такое астигматизм. - Выходит, это была не она.

- Выходит, - согласилась Маня быстро.

- А могла она по лестнице подняться, когда вы в лифте с соседкой ехали? Вы вроде сказали, по лестнице кто-то топал!

- Мне показалось, что человек спускался, а не поднимался, очень быстро бежал, понимаете?.. Хотя... я вижу плохо и все время на пакеты смотрела, боялась, что порвутся. Они тяжелые такие были, я их еле волокла! Может, имеет смысл у Софьи Захаровны спросить?

- Мы спросим, - пообещал Мишаков и с сожалением посмотрел на пустую бутылку из-под нарзана, ему хотелось еще.

Писательница Поливанова капитанское сожаление заметила, моментально достала из холодильника следующую и налила почти целый стакан, сразу подернувшийся туманной прохладной пленкой.

...Она наблюдательная, подумал Мишаков, с удовольствием глотая воду, все замечает. Нужно будет посмотреть в Интернете, что такое этот самый «астигматизм».

– Ну а вы? – И он повернулся к патлатому, оказавшемуся знаменитым писателем. Вода булькнула в горле, и капитан стыдливо прикрыл рот рукой.

– Что... я?

– Пока ваша сожительница в магазин бегала, сумки тащила, вы все время вот тут, в кабинете, отдыхали и давали интервью. Так?

Слово «сожительница» он употребил намеренно, чтоб уязвить писателя. Капитану было известно, что тонкие натуры никаких таких слов не любят и при произнесении их всегда становятся на дыбы, а капитану было очень важно писателя... раскачать. Поставить на дыбы. Пока он вел себя так, как будто происходящее его не касается – вон даже на площадку не вышел, когда труп обнаружили.

...Нет, когда его обнаружили, может, писатель и выходил, а когда опера приехали, сидел в собственной кухне на подоконнике, ногой качал!..

...Посмотрим, как ты крыльями замашешь, когда я тебе пару хороших вопросов впаяю! Да еще объявлю, что ты, как ни крути, и есть главный подозреваемый!.. Сожительницу твою убиенный оскорблял? Оскорблял! Ты ему в рожу давал? Давал!.. С лестницы спускал?.. Спускал!

Впрочем, если все, что рассказала писательница, правда, капитан бы этого Кулагина и сам, пожалуй, того, с лестницы спустил!

Не любил, ох, не любил капитан этаких фанаберий, когда негодный вроде мужичонка бабу унижает, и чем гаже мужичонка, тем больше унижает – только от гадости своей и слабости во всех вопросах!

Писатель на специальное слово «сожительница» никакого внимания не обратил и ироничному капитанскому тону значения тоже не придавал. Только кивнул, и все, – да, мол, был все время здесь.

– А скажите, вот интервью, к примеру, это долгое дело, да?.. Вроде вы с утра уехали, а приехали только под вечер, а интервью все ни с места?

– Мы заканчивали уже, – вяло сказал писатель. – Маня, принеси мне мобильный. Нужно Анне Иосифовне сообщить, что в издательство я сегодня не приеду. – Он перевел на капитана странно светлые, как у полярного волка, глаза. Они, удивился Мишаков, у него были как будто желтые, и впрямь волчьи. – А интервью разные бывают, капитан. Ольга Красильченко – журналист опытный и с репутацией. Стандартных вопросов не задает, и стандартных ответов ей не нужно. С ней трудно разговаривать. Я от нее очень устал, но обещание есть обещание!

– Алекс обещал нашему издателю, что даст это интервью, – встряла Поливанова. – Вы знаете, мы все любим Анну Иосифовну, и когда ей что-то нужно, стараемся...

– Это к делу не относится! – перебил Мишаков. – Когда Марина Алексеевна в магазин ушла, они обе, и журналистка, и фотограф, у вас на глазах были? Все время?

И подумал злобно, что, если писатель опять пожмет плечами, он его точно в «обезьянник» отволочет!.. Вот прям так, за буйные кудри, в машину и – добро пожаловать в отделение!..

Писатель пожал плечами.

Капитан перевел дух.

– Это что значит?

– Ольга все время задавала мне вопросы. Мы сидели в кабинете. Кажется, я только один раз вышел, чтоб подогреть кофе. Маня сварила, когда уходила, и мы его пили.

– Алекс, подогретый кофе – не кофе, – опять встряла Поливанова, – нужно было свежий сварить, что ты, ей-богу!

– Это к делу не относится! – провыл капитан. – Говорите по существу! Где была вторая?! Одна с вами лясы точила, а жена его где была?

– Где-то в квартире.

– Это что значит?!

– Это значит, что я за ней не следил. Она входила, выходила, кажется, кому-то звонила. Я не прислушивался.

– А могла она из квартиры выйти?

Алек подумал немного.

– Могла, наверное. У нас тяжелая дверь, сильно гремит, когда закрывается, но я... не обратил внимания.

Капитан что-то пробурчал себе под нос, явно нелестное и для чужих ушей не предназначенное.

– Слушай! – вдруг воскликнула Маня, и они оба оглянулись. Глаза у нее блестели, и нос смешно двигался, как у любопытной мыши. Она его почесала. – Это она, должно быть, Артему звонила! Потом же еще Артем приходил! У нас вчера, товарищ капитан, был день визитов. Все приходили и уходили. И Дэн приехал.

– Какой еще Дэн?!

– Дэн Столетов, племянник тети Оли. Он наш друг, тоже журналист. Я сейчас расскажу. Хотите еще воды? Или кофе подать?..

Вчера

Маня заглянула в кабинет.

Алекс сидел за ее письменным столом, из-за которого она с таким трудом вытащила себя совсем недавно, и никакого участия в происходящем, казалось, не принимал. Таис с сосредоточенным видом волокла по прадедушкиному ковру осветительный прибор, Ольга Красильченко толковала ей, что снимок за столом делать как раз не нужно, потому что «только ленивый не снимал писателя за рабочим столом»!

- Хорошо, что ты вернулась, - пробормотал Алекс.

Ольга оглянулась на Маню и виновато сообщила, что работы осталось совсем чуть-чуть, а Таис - мстительно - ее поправила, мол, работы еще вагон.

- Может, чаю?.. - предложила Маня.

И в этот момент в дверь позвонили.

Алекс и Маня посмотрели друг на друга.

...Ну что? Вернулся оскорбленный старый друг, как следует приложившийся к коньячишке в соседнем баре и жаждущий продолжить общение?..

- Я открою, Маня, - Алекс стал выбираться из-за стола.

- Подожди, - глупо пробормотала она, - я спрошу, кто там.

Он усмехнулся, прошагал по коридору и распахнул дверь. В «глазок» не стал смотреть и спрашивать в домофон, кто пришел, не стал тоже - чертов гордец и упрямец!..

Маня настороженно маячила у него за плечом, на всякий случай.

– Здорово, ребята! – с порога захохотал Дэн Столетов. – Есть хочу, помираю! Алекс, куда ты дел мою козочку? Мой волшебный цветок? Мою кысочку? – Он смачно приложился к Маниной щеке и пояснил совершенно другим тоном, как артист, который обращается то к галерке, то к партеру: – Тетя пропала.

– Дэн, как я рада тебя видеть! – Маня стремительно приблизилась, взяла его за уши и потрясла лохматой Дэновой головой в разные стороны. – Вот ты молодец, что приехал!

– Еда есть?

– Есть, есть еда! Проходи скорей!

– А тетю куда девали?

– И тетя есть! У нас, как в Греции, все есть!

– Не, но она еще утром на интервью к великому писателю укатила и за весь день ни разу не позвонила племяннику, – тут Дэн опять пояснил невидимым зрителям: – То есть мне. И я весь на нервах, как институтка!

– Ясный хобот, не позвонила! Мне тоже никто весь день не звонил, а я за работой всю задницу себе отсидела! – Маня говорила громко, освобожденно, хотя весь вечер цедила сквозь зубы. – Они еще даже не закончили.

– Ну, ты же знаешь мою тетю! Мой нежный цветок! Она уж если в кого вцепится, то как бульдог, не оторвать ее! На то она и великий журналист и материалы такие делает, что даже крокодилы, когда читают, плачут. И гонорары ей платят такие, что во сне не снились даже самому...

– Дениска, – пролепетала тетя Дэна Столетова из глубин коридора. – Господи, как ты сюда попал?!

И они на нее оглянулись – молодые, здоровенные, хохочущие, белозубые, очень похожие друг на друга, хотя, в чем эта похожесть, журналистка Ольга Красильченко так сразу не смогла бы определить.

– Тетя! – вскричал Дэн и простер к ней руки. – Ангельчик! Эти гадкие люди тебя мучают?..

Тетя покачнулась, но удержалась на ногах. В два шага племянник оказался рядом, сгреб ее в охапку, прижал к себе, оторвал от пола, нежно поцеловал в макушку и аккуратно поставил. Она взялась рукой за книжную полку, чтобы на самом деле не упасть.

Ольга знала совершенно точно, что мальчик, которого назвали так, потому что им с сестрой очень нравились «Денискины рассказы», ее мальчик, который таскал домой всех бездомных кошек, плакал, когда в кино тонула лошадь, заступался за очкастых девчонок и дружил с «ботаником» Володей Береговым, не может быть своим в... этом доме.

Здесь жили настоящие знаменитости, Покровская и Алекс Лорер, – страшно сказать!.. Не скороспелые поющие «звезды» на один сезон, не ведущие астрологической программы, не юмористические унылые шутники! Лорер со своими немногочисленными романами то и дело возглавлял список бестселлеров «Нью-Йорк таймс» и шорт-лист Букера, не какого-то там доморощенного, а самого настоящего, большого!.. Когда-то он начинал печататься на французском языке, и никто не верил, что он русский, этот странный длинноволосый выскочка, а нынче поговаривали, что французское правительство собирается наградить его орденом Почетного легиона, редчайшая штука для русского писателя! Он жил очень закрыто, как будто сторонился людей, прятался и тем не менее был узнаваем, как в далеком советском прошлом были узнаваемы генеральные секретари ЦК КПСС, то есть всеми и всегда.

Покровская писала детективы, о шорт-листах, Букаре и Почетном легионе речь не шла, конечно, но пассажиры в метро и маршрутках, пациенты в очереди к терапевту, бабуся в скверах и продавщицы в палатках сидели, уткнувшись в ее книжки. Их возили с собой в отпуск, забывали в метро, покупали в киосках «Союзпечать», и казалось, что они повсюду, как будто возникают из воздуха. Ольга Красильченко когда-то даже подумывала провести исследование и написать большую статью о феномене русского детектива «с женским лицом», а потом решила, что это будет очень скучно, и писать не стала. Все равно вразумительных ответов, почему так популярен сей жанр, почему пишут в основном женщины и почему все повально читают, невозможно дать, а повторять в сотый раз одно и то же ей не хотелось.

Они были очень странной парой, Покровская и Лорер, более не подходящих друг другу людей трудно сыскать, и, может, поэтому, а может, потому что оба талантливые, непонятные и знаменитые каждый на свой лад, их хотелось рассматривать, фотографировать, изучать как явление.

И племянник Дениска тут совсем ни при чем! Он же просто... мальчишка. Умненький, славный – ей ли, тете Оле, этого не знать! – но самый обыкновенный, а эти люди ее пугали. Всерьез. Следовало как-то защитить от них Дениску, объяснить ему, неразумному, что с ними нужно быть осторожным.

– Денис, – сказала Ольга и резко выпрямилась. Ей казалось, что так она выглядит внушительней. – Я сейчас занята. Уезжай. Я позвоню тебе, как только...

– И поесть нельзя?! – жалостливо воскликнул племянник.

– Не кривляйся. Я прошу тебя, уезжай.

– Нет, а что такое-то? – сунулась знаменитая детективщица Покровская. – Мы вам мешать не станем. Мы на кухне засядем, заодно приготовим чего-нибудь!..

– Денис, не стоит обременять людей. Они и без нас с тобой...

Тут только Дэн понял, что тетка рассердилась всерьез, но не понял, на что. Ну, приехал, ну, нашумел – он всегда шумит, – ну, еды попросил и что?..

– Мать божья, – Поливанова взяла растерявшегося Дэна под руку, – да никого он собой не обременяет, что вы!.. Вы продолжайте, у вас там фотограф на диване лежит, скучает, а мы сами по себе.

И увлекла Дэна за собой по коридору.

Алекс сбоку посмотрел на Ольгу Красильченко.

– Мы ничего ему не сделаем, Ольга, – сказал он тихо и сморщил губы – улыбнулся. – Не нужно его защищать. По крайней мере, от нас.

Журналистка вспыхнула, дернула шеей, как будто проглотила что-то неудобное, и пробормотала:

– Все-то вы видите.

Он пожал плечами, и тут одновременно позвонили в дверь, и Таис Ланко закричала из кабинета, что ждать вечно она не намерена, у нее дома ребенок, и давайте, мол, работать!..

Из кухни выглянула взъерошенная Маня с полотенцем в руках, а следом за ней показался Дэн, который что-то хрустко жевал.

Алекс вздохнул и открыл.

На пороге стоял парень, совершенно незнакомый.

– Вы к кому?..

– Мне Настю! – выпалил парень. – Срочно.

– Кого?.. – спросил Алекс.

– Я знаю, она здесь! – неожиданно громко заголосил парень, как будто Алекс намеревался не допустить его к неизвестной Насте. – Настя! Настя!..

– Что вы вопите?!

– Пусти меня, слышь, ты!..

– Святые угодники!

– Настя!!!

– Алекс, выстави его! – крикнул Дэн.

– Дениска, не лезь!..

- Оль, ты-то чего?!

Произошло стремительное движение, что-то мелькнуло, и Таис Ланко кинулась пришедшему на грудь и вцепилась в него обеими руками – как в кино.

- Артем! Откуда... что случилось... ты как?..

- Пошли, быстро! – Парень мотнул головой и поволок Таис Ланко вон из квартиры. – Ты дура безмозглая!.. Я тебя три часа жду, а ты!..

- Темочка, я не могу, я, типа, на работе...

- На какой еще работе?!.

- Я сейчас, – пробормотала Таис и мазнула по всем присутствующим стеклянным невидящим взглядом. – Я быстро... я вернусь...

- Здравствуй, Артем, – очень громким басом сказала Маня Поливанова, и все на нее оглянулись, даже Таис Ланко.

- Здравс-сте, – поздоровался парень и обвел взглядом компанию. Взгляд постепенно прояснялся, из дикого становился осмысленным. – Марин, это ты?!

- Это не я.

Тут парень вдруг сказал очень наивно:

- Нет, ну, правда!..

- Артем Гудков, – представила Маня. – Познакомьтесь все. Он... журналист.

Последнее она выговорила не слишком уверенно, словно в эту секунду усомнилась, что парень именно журналист, а не, скажем, футболист.

– Вы премию получили, «Репортер года»! – Ольга Красильченко торжествующе нацепила очки и тут же смахнула их с носа. – Ну, конечно, я точно помню! Артем Гудков, лучший материал о деревенских школах. Это было...

– Давно, – перебил парень, вновь помрачнев. – Это было давно и неправда. Насть, мне с тобой нужно срочно...

– Да вы проходите!

– Нет уж, я так... Насть, выйди, я тебя прошу!

Маня пожала плечами. Дэн наблюдал с интересом, Ольга все порывалась надеть очки и разглядеть гостя хорошенько, у Алекса был недовольный вид.

Таис Ланко опять вцепилась парню в рубаху, и он почти выволок ее на лестницу.

Отдаваясь от стен и дореволюционных потолков, загудели их встревоженные голоса. Говорили непонятное. Алекс прикрыл дверь.

– Ну, я так понимаю, никакой работы сегодня уже не будет, так что давайте ужинать, что ли!..

– Марина, огромное вам спасибо, но все же, если наш фотограф сейчас вернется, мне бы хотелось закончить именно сегодня.

– Дэн! Уйми свою тетушку, а?! – И Маня быстро ушла в кухню.

Там она поставила на поднос тарелки и чашки и стала выбирать из ящика серебряные приборы. При этом она шевелила губами – считала.

– Кто этот человек?..

– Алекс! – Приборы с грохотом обрушились обратно в ящик. – Что ты подкрадываешься!

– Я не подкрадываюсь.

Маня опять принялась считать. Все никак у нее не сходилось количество гостей и количество вилок.

- Маня?..

- А! Да я ж говорю - журналист.

- Ты говоришь это как-то очень неуверенно.

- Ну, он бывший журналист, - призналась Маня неохотно. - Он и правда когда-то какое-то звание получил, и премию даже, и везде печатался, и всякое такое. Пять или шесть? Ну, что ты меня сбиваешь!

- Я не сбиваю.

- А потом у него неприятности начались, отовсюду его выгнали и печатать перестали. Я с ним познакомилась, как раз когда уже были неприятности. Его в издательство взяли пресс-релизы писать и всякую текучку, но очень быстро уволили. То есть не уволили, а после испытательного срока договор не стали заключать. Налей воды в чайник, а?..

Алекс налил воды.

- Он приятель этой... дурочки?

Маня грустно посмотрела в окно.

- Шут его знает. Наверное.

Алекс ждал. Он знал, что будет продолжение.

- Надо же, - она пожала плечами. - Сто лет его не видала.

...Должно быть, у них был роман, неизвестно почему подумал Алекс.

– Нет, он хороший журналист, – как будто оправдываясь, заговорила Маня, – у него имя как-то сразу появилось, известность! Вон у нашего Дэна так и нет до сих пор никакой известности, а у этого была. Была, да сплыла.

– Почему сплыла?

Маня махнула рукой.

– Пьет? Колется?..

– Он правдоискатель, – выпалила Маня, повернулась к Алексу и сунула нос ему в плечо. – Он везде ищет народную правду и поднимает массы на революционную борьбу против тирании. Массы, как правило, не поднимаются, а его увольняют, как скандалиста. По крайней мере, так говорили в издательстве. А как там на самом деле, я не знаю...

– Почему ты огорчаешься?

– Потому что терпеть не могу, когда что-то пропадает даром! Он и правда хороший журналист! Ну, был хорошим!.. А ужиться ни с кем не мог. И все профукал.

– Не все люди умеют пребывать в благости и прекраснодушии.

– Просветил, – сказала Поливанова и отодвинулась. – Спасибо тебе. И Таис смылась!.. Теперь вся эта бодяга затянется еще на три часа.

– Нет уж, – решительно заявил Алекс. – С меня на сегодня хватит.

– Так что? Фотосессии не будет? Завтра все сначала начнем? Еще один день псу под хвост?!

В дверь позвонили.

– Явилась. Объяснение состоялось! Иди впускай. – Маня подтолкнула великого писателя. – И я тебя умоляю, доснимись уже, я так от всех устала, сил моих нет.

Прикидывая, был или не был у Мани роман с революционным журналистом Гудковым, Алекс распахнул дверь – в который раз за этот вечер? – отлетел к стене, ударился головой о бронзовую прадедушкину вешалку, осел на пол, на него свалились какие-то вещи.

– Где она?! – захохотало где-то вверху. От неожиданности и боли Алекс ориентировался плохо. – Говори, ну?! Где эта б...дь неумытая?! Я все равно ее найду! А тебе сейчас покажу, сучонок, твое место! Выискался! Падаль европейская!..

– Алекс!!

Манин голос моментально привел его в себя. Из глаз пропала чернота, а из горла ком, похожий на кровавый сгусток. Он шумно выдохнул, прицелился и с силой дернул орущего за ногу. Нога поехала, потеряла опору, вторая описала дугу – Алекс увернулся от нее, – и «колумнист и радиоведущий» Анатолий Кулагин, замахав руками, повалился навзничь.

В коридоре толпились и, кажется, кричали, но Алексу некогда было разбираться. Он выдернул из угла этажерку – с нее с глухим стуком посыпались какие-то книги – и поставил сверху на распластанного Анатоля, так чтоб тот уж решительно не мог пошевелиться.

– Мать божья! – простонала Маня.

– Кто это?! Что случилось?! На нас напали?! – верещала Ольга Красильченко.

– Оль, прекрати! Не голоси! – велел Дэн.

– Пусти, ну!.. – прохрипел с пола Анатолий и сделал попытку подняться. – Слышь, ты, урод!..

– Остынь, – сказал Алекс негромко, – полежи пока.

– Кто это?! – не унималась Ольга.

– Алекс, он тебя ударил?!

– Я его ударил.

Маня подошла и наклонилась над Анатодем, как над неодушевленным предметом.

– А с ним ничего не случилось? – И она взглянула с опаской. – В смысле тяжких телесных повреждений?..

– Ребят, у вас же приличный дом! – весело произнес Дэн Столетов. – А какие-то придурки весь вечер лезут!

– Пусти, кому сказал!..

Этажерка зашаталась, на самом верху закачалась толстая книга, неторопливо наклонилась, стала падать – все присутствующие проводили ее глазами – и попала на редкость неудачно!.. Лежащий завыл:

– А-а-а!.. – и стал подтягивать ноги к животу.

Морщась, Алекс снял с него и отставил этажерку. Анатоде корчился на полу.

– Пошел вон, – вежливо и негромко попросил Алекс.

Анатоде встал на четвереньки и свесил голову.

– Где... моя... жена?.. – проикал он.

Шан-Гирей помог ему подняться.

– Я не знаю, – ответил он. – Здесь ее нет. И не приходи больше сюда!..

– Где... она?..

– У меня журналисты. – Алекс показал на Дэна с тетей Олей. Дэн моментально к нему придвинулся, как бы смыкая ряды. – Если не хочешь попасть в скандальную

хронику, ты сейчас отсюда уйдешь и больше не вернешься.

Анатолий скосил налитые кровью и ненавистью глаза.

– Все предусмотрел, да?! Журналюг, сволочей, позвал, сам бы не справился!.. Я... слышишь ты... я тебя убью!.. Убью, сволочь!

– Не сегодня, – отрезал Алекс. – Сегодня пойдешь и проспидь.

Он вывел Анатолия на площадку – второй раз за этот вечер! – оглянулся на Маню и сказал задумчиво:

– Я его... провожу.

– Зачем?! С ума сошел?!

– Не, не, – встрял Дэн и стал торопливо совать ноги в кроссовки, – это обязательно! Подожди, Алекс, я с тобой! Да вы не волнуйтесь, девочки, мы его в такси посадим и вернемся. А то будет в подъезде завывать, кому охота слушать!..

Дверь захлопнулась.

Тетя с Маней посмотрели друг на друга. В глазах у Ольги плескалось любопытство, переливалось через край.

– Пойдемте на кухню, – буркнула Маня. – Надо же что-то делать!..

– Марина, мне очень неудобно, может, лучше уйти, потому что с работой у нас не заладилось...

Не слушая, Поливанова вернулась на кухню и – в который раз? – включила чайник, и он сразу бодро зашумел.

– Она была в полном расстройстве чувств! – провозгласила Маня. – Ольга, вы тоже в полном расстройстве чувств?..

Сегодня

- Таис прибыла, наверное, минут через пятнадцать. Ну, может, через двадцать. Как раз в расстройстве чувств! - продолжала Маня. - И сразу стала налегать на коньяк. То есть было ясно, что работы никакой не будет! Ольга засобиралась домой, но Дэн с Алексом все не возвращались, а она очень хотела увести племянника. Она... трепетная слишком, понимаете? С мамой живет!

- Нет, - буркнул капитан Мишаков, - не понимаю.

- А потом наши приперлись. Где-то через полчаса. Сказали, что впихнули Анатоля в такси, дали водителю денег и адрес.

- Адресочек, значит, по которому покойный проживал, вам известен?

- Записывайте, - предложил Алекс негромко. - Малаховка, улица Коммунистического Интернационала, дом пятнадцать. Он несколько раз приглашал нас в гости, и мы вынуждены были... принимать приглашение, поэтому улица Коммунистического Интернационала нам известна хорошо.

- Почему вынуждены? - не понял Мишаков. - Принимать-то?

- Старый друг, - объяснил Алекс, морщась, - отказать нельзя. Маня маленькой там вообще часто бывала! - Он помолчал и добавил, обращаясь к писательнице и разом сменив тон: - Набери мне Анну, я не могу найти ее номер!

- Ты никогда ничего не можешь найти. - Поливанова забрала у него телефон и стала тыкать в какие-то кнопки.

Мишаков поглядывал на них оценивающе.

Да уж. Парочка, прямо скажем, с фанабериями!.. Этот - кстати, нужно еще проверить, правда ли он такая уж знаменитость или просто тунеядец, устроился у бабы на шее, свесил ножки и едет себе! - ферт длинноволосый ничего не помнит, в телефонах путается, того гляди ложку мимо рта пронесет. Однако

покойного с лестницы спустил, да еще дважды, если не врет. Не сходится тут чего-то, ох, не сходится!.. А еще в бытность капитана Мишакова слушателем Школы милиции следователь Петрушин ясно объяснял – если картина преступления не складывается, значит, неправильно она нарисована, картина-то! Начинай сначала рисовать.

Да еще журналисты тут вчера весь вечер толклись! Вот кого капитан особенно и отдельно терпеть не мог, так это журналистов. Все ведь брешут, собаки, ну, хоть бы одно слово правды кто для приличия написал! Так и одного слова не добьешься!..

– Анна Иосифовна, – сказал Алекс и улыбнулся телефону летящей, славной улыбкой, преобразившей все лицо. Капитан смотрел во все глаза. – Добрый день. Я прошу меня извинить, но обстоятельства складываются таким образом, что я сегодня решительно не смогу приехать к вам...

Он слез с подоконника и пошел в глубину коридора. Солнце, светившее ему в спину, золотило кудри и локоны, делало его похожим на пророка, уходящего в пустыню, из кино про Христа. Капитан однажды такое видел, и ему не понравилось – скучно больно.

– Так что ж мы делать-то будем? – спросил капитан, когда голос писателя затих где-то далеко-далеко.

– А что нам нужно делать? – не поняла Поливанова.

– Убийцу искать, – Мишаков вздохнул. – Адресочки тети и племянника имеются? А также супруги покойного?.. И этого Гудкова?

– Телефоны могу дать, – отозвалась писательница. – Только номера Артема у меня нет, конечно.

Странная штука. Она на самом деле старалась помочь, и это тоже не укладывалось в картину. Ей бы ломаться на манер этого Шан-Гирея, глаза заводить да ногой качать, а она – ничего подобного! Про него-то нам пока известно мало, а ее-то на самом деле с утра до ночи по телевизору показывают! То она готовит, то про женское равноправие рассуждает, то бюрократов клеймит, то на машине по полигону гоняет.

И простая такая! За простоту и за кофе – так бы и пил до вечера, до того хорош! – капитан Мишаков простил ей даже гренадерский рост.

Высоких женщин он не любил. Женщина должна быть маленькая, изящная, вся точеная, как песочные часы, голосок нежный, глазки голубые, губки бантиком, и чтоб непременно блондиночка!..

Чтоб отвязаться от ненужных мыслей о блондинках, капитан, сильно налегая на ручку, записал телефоны, а потом заявил Мане, что главным подозреваемым все равно остается Александр Павлович Шан-Гирей, потому как именно он вчера затеял с покойным ссору!

Просто так заявил, чтоб посмотреть, какая будет реакция.

Фу-ты ну-ты!.. Никакой реакции.

Мария Поливанова быстро разлила по крохотным чашкам еще одну порцию огненного кофе, достала из холодильника воду, села напротив капитана и подперла щеку рукой.

– Алекс никого не убивал, это ему ясно, – сказала она живо. – Они с Дэном вернулись, накатили как следует и разошлись. То есть Дэна Ольга увела, ну, журналистка, его тетка, а я Алекса спать уложила. Таис вообще на ногах не стояла, и я ей в гостевой спальне постелила, сидела с ней долго, а потом еще няньке звонила!

– Какой няньке? – не понял капитан. – Вы няньку к ней приставили?!

– У них с Анатолом девочка шести лет. Я звонила няне, чтоб та осталась с ней ночевать. На Анатоля никакой надежды нет. Он... плохой отец.

– Ну, плохой или хороший, а вчера он по-любому с девочкой сидеть не мог! Его вчера убили, – напомнил капитан.

Ему казалось подозрительным, что никто в этом доме не переживает. Не переживает, не печалится, горьких слез не льет. А положено – хотя бы даже для порядка!.. И хозяйка сама рассказывала, что знает убитого, считай, с пеленок!

Какой-никакой, а человек все же. И помер он не от старости и не в своей постели, убили его, да еще прямо тут, под носом, в двух шагах от них! Хотя бы элементарное человеческое сочувствие положено иметь? Положено!.. И ведь нету никакого сочувствия! Цинизм и любопытство, а у чучмека длинноволосого еще и раздражение – некстати ему убийство пришлось, возись теперь с капитаном, выслушивай его, на вопросы отвечай, а неохота! Охота кофеек попивать, по телефону любезничать, за толстыми глухими стенами прохлаждаться, чего лучше!..

– Тут ведь, понимаете, в чем сложность... – подумав, начала Поливанова, – наши, то есть Алекс с Дэном, в машину Анатоля затолкали и велели водителю прямо в Малаховку рулить и нигде не останавливаться, чего бы там клиент ни требовал! Но ведь он как-то вернулся! Убили-то его в нашем подъезде!

– Это точно.

– А он мало того, что был сильно пьян, так еще...

– Кровил маленько? – подсказал капитан со всем возможным ехидством, когда она запнулась.

– Точно, – согласилась писательница совершенно хладнокровно. – Он, когда падал, об угол этажерки стукнулся, бровь рассек. Я потом паркет еле оттерла. Кто бы его в таком виде из загорода в Москву повез?! Да еще ночью?!

– Ну, кто его вез, мы выясним, – пообещал капитан. – А вас на всякий случай хочу предупредить, чтоб из города не уезжали.

– И подъезд у нас запирается, – продолжала Маня как ни в чем не бывало, словно капитан и не предупреждал ее ни о чем «на всякий случай». – На ключ запирается! У нас у всех ключи. Не какая-то там магнитная фигня!

– Да ну? – удивился капитан.

– Так и есть. Как он в подъезд попал? Кто его впустил?

– Вот именно! – Он посоображал немного. – А днем как попал?

– А днем у нас дверь нараспашку всегда. – Маня улыбнулась. – Уборщица приходит, слесарь, бывает, «Скорая» приезжает. Софья Захаровна, она у нас старшая по подъезду, в одиннадцать часов подъезд запирает. У нас все строго, как в студенческом общежитии!.. Если б Анатолий в одиннадцать уже там лежал, комендантша такой шум подняла бы! И Ольга с Дэном уходили уже после двенадцати, и никого в подъезде не было...

Сравнение с общежитием капитану понравилось. Она, эта писательница, вообще нравилась ему все больше и больше.

...Значит, начать надо с соседки. Потом журналисты, пропади они совсем, потом супруга покойного с набором странных имен – совсем уж чокнулись, живых людей переименовывают на манер собачек! – и этот неизвестный Гудков. А еще таксист, который будто бы вез покойного в Малаховку на улицу Коммунистического Интернационала. А может, и не возил, вывалил в соседнем сквере на лавочку, а сам – тю-тю!..

Проверить, кто чего наследует, это самое главное!.. Когда-то следователь Петрушин в Школе милиции объяснял, что мотив зачастую бывает самый что ни на есть распростой! Убили жену, хватай мужа, и наоборот, в девяти случаях из десяти не ошибешься!..

– А выходит так, что супруга покойника от вас только утром уехала? – отвечая мыслям про жену, которую следует хватать, спросил капитан.

– Выходит так.

– Это каким же образом она уехала, если в подъезде лежал труп ее мужа? Перешагнула, что ли, и по своим делам направилась?

– Да ну вас, – сказала писательница Поливанова и по-кроличьи дернула носом. – Ничего она не перешагивала! Но когда соседи шум подняли и стали... вас вызывать, я ее выпроводила. Ну, что вы на меня так смотрите? Ну да, я знаю, так нельзя, у меня друг – полковник, всю жизнь в органах прослужил! Ну да, ну, нельзя! Но я как представила, что все сейчас на нее накинется с разными вопросами, а она и так не в себе, да еще не просто с бодуна, а с очень конкретного бодунища!..

Капитан хотел сказать что-то очень возмущенное, но Маня сердито сунулась к нему, и он закрыл рот.

– Я ей сообщила, что Анатолий лежит у нас в подъезде и сейчас здесь начнется свалка. Она, по-моему, толком ничего не поняла. И я ее проводила.

– Мимо трупа супруга?

Маня Поливанова пожала плечами:

– Нет. Не мимо трупа.

– А как же?! Или она из окна вылетела?

– За лифтом есть черный ход, – сообщила писательница, как нечто само собой разумеющееся. А что, мол, такого?! Подумаешь, черный ход! – Он, конечно, давно и безнадежно заперт, но у нас есть ключ. Еще от прадедушки остался. Вон, в комод в верхнем ящике лежит, можете посмотреть. Я иногда им пользовалась, когда мне требовалось смыться от кавалера. Ну, это еще когда я маленькая была. Мы спустились на лифте, я открыла дверь и выпустила ее. Тупа она не видела. Мы из лифта повернули в другую сторону, сразу к черному ходу.

– А кто еще через этот ход?..

Маня перебила:

– Да никто! И я-то им десять лет не пользовалась! Или даже больше! А тут вдруг пригодился.

– Н-да, – сказал капитан неприязненно. – Пригодился.

Нужно осмотреть этот самый ход и замок! Может, убийца как раз таким образом и вошел. А если так, выходит, знал, что дверь, мало того, что существует, но еще и отпирается!

Мишаков посидел немного. Уходить ему не хотелось, хотя давно пора бы за работу браться.

– Значит, я вас вызову или, может, сам заеду, – зачем-то пообещал он, и скулы у него покраснели.

...Я как будто напрашиваюсь! А я не напрашиваюсь! У меня служба, мне прохлаждаться некогда.

– Вы хотели книги посмотреть, – напомнила Маня. – Хотя там, в кабинете, должно быть, Алекс, а он не любит, когда ему мешают...

...Хорош гусь! Бросил бабу разбираться, а сам смылся в кабинетик по-тихому!

Маня поднялась, сразу сделавшись очень высокой, почти с капитана ростом, он покосился – ну, не нравятся ему высокие женщины, что поделаешь! – и зашагал следом за ней по широченному коридору, в котором жили книги, великое множество книг. Она на цыпочках подкралась к высокой двустворчатой двери, приоткрыла, заглянула и махнула рукой – можно!..

...Видать, ферт еще где-то затаился.

Капитан вошел и замялся на пороге, не смея ступить в уличных ботинках на ковер.

Ковер, громадный, отливавший белесым шелковым блеском, закрывал только середину начищенного паркета. По паркету скакало солнце. Летний ветер отдувал белую занавеску, и Москва шумела за толстыми стенами старого дома негромко, приятно.

– Проходите! – позвала Поливанова. – Что вы там мнетесь!.. С правой стороны научная литература, у меня и прадед, и дед, и отец были авиационными инженерами. А слева все подряд. Там энциклопедии, Британская, Брокгауз и Эфрон, потом всякая классика, повыше просветители и поэты, их никто никогда не читает, а пониже Гончаров, Толстой и все остальные. Достоевского я в угол засунула, не люблю! Я как возьмусь его читать, мне сразу повеситься хочется! А здесь детективы – Дик Фрэнсис, Рекс Стаут, ну, Агата, разумеется! И наши,

конечно. А с той стороны иностранцы. Хотите посмотреть?..

Капитан Мишаков и так смотрел во все глаза.

Книги были старые, заслуженные, много раз читанные. Должно быть, их брали с собой в постель, проливали на них кофе, читали на полотняном диване в мягком вагоне, который, покачиваясь, вез дедушку-инженера с супругой-инженершей на курорт в Цхалтубо!.. Книги носили в портфелях и под мышкой, читали за завтраком, скосив глаза и тыкая вилкой мимо яичницы, прятали от завуча под черный форменный школьный фартук или синий пиджачок с нашивкой на рукаве, одалживали друзьям, а потом требовали, чтоб вернули, и возвращали не все – вон у Островского четырнадцатого тома не хватает!..

Новые, современные, в заливчатских глянцевых обложках, соседствовали со старыми вполне мирно. Их сияющие самодовольные переплеты расцвечивали благородные седины старых книг, как пластмассовые заколки с нелепыми ромашками и розами, наклепленные на строгие прически, но вовсе не казались неуместными!..

– Хотите что-нибудь взять почитать?

Капитан Мишаков повел плечом, сфокусировал зрение, увидел в потоке золотого тягучего света Маню, притулившуюся задницей к краю письменного стола, с трудом соотнес ее с книжным царством и обозлился.

Подумаешь, хозяйка Медной горы!.. Писательница!.. Да если б он, капитан Мишаков, перечитал такую уйма книг, может, тоже стал бы писателем!.. Получше этого самого Достоевского!.. Понесло его книги смотреть, как будто он на самом деле друг семьи и... ровня этим гордецам и интеллектуалам, провалиться бы им!..

– Телефончик не выключайте, – сказал он неприятным голосом и шагнул в коридор. – И Александру Павловичу передайте, чтоб не выключал!

Маня пошла за ним, рассматривая крепкий затылок, заросший короткими – по уставу! – волосами.

...Интересно, чем она так его задела? Прадедушкиными книгами, что ли? Или он кофе перепил?..

В подъезде оживленно разговаривали, голоса отдавались от стен, лифт медленно и величаво проплыл наверх.

– Да, кстати, – В дверях Мишаков обернулся, и теперь перед Маниным носом оказалась физиономия, тоже вполне соответствовавшая уставу. – Вы сказали, что Кулагин прибыл к вам уже навеселе. Он не упоминал, где именно проводил время?

– Нет, – Маня поправила на носу очки, – вроде не упоминал.

– Разберемся, – пробормотал капитан и побежал вниз.

...Не забыть бы посмотреть, что такое астигматизм.

Вчера

Анатолий захлопнул дверь машины и некоторое время любовался своим отражением. Выпуклое стекло вытягивало его, делало стройнее, а он в последнее время всерьез переживал из-за веса.

Бабы любят молодых и стройных – ну, при этом еще успешных и богатых, но с этим как раз все в порядке. Успеха у него – хоть жопой жуй. Анатолий любил «народные выражения», ему казалось, что они приближают его образ к тому, кем он был на самом деле, – русским писателем-классиком.

Ну, если всерьез-то!..

Конечно, никакой он не радиоведущий и уж тем более не «колумнист»!

Он писатель.

Сборник его рассказов не остался незамеченным, а старинный приятель Юра из «Литературной газеты» даже дал большую, по-настоящему серьезную рецензию, вполне положительную. Хотя что он понимает, Юра!..

И колонки в журналах – никакие не колонки, а срезы сколы современной русской жизни с ее разухабистым пьянством, безалаберностью, неряшливостью, умением страдать ни о чем и радоваться без причины, былинной силушкой, уже почти пропитой и прогулянной, раболепием перед иностранцами, чувством вины, любовью к дармовым деньгам и зрелищам, которые чопорные европейцы с их давно обессилевшей импотентной культурой никогда не смогли бы ни понять, ни принять. Его колонки – про всех и каждого, и писаны они понятным, ярким, живым русским языком, с матерком, с ухмылочкой, а где нужно, и со слезой. Его фантазии окажутся пророческими – вот увидите, увидите! – ибо цивилизации, той, которую все знают, приходит конец, наступает последний предел.

Нет и не может быть другого писателя, который бы так чувствовал жизнь, так умело ее описывал, так отдавал на растерзание собственную душу. Срезы и сколы ранили ее, она истекала кровью, и живой этой кровью были писаны тексты, которые по дурости и необразованности читатели называли «колонками»!

Приняться бы за большой роман, развернуть полотно современной жизни со всеми ее гадостями, мерзостями, подлостью и канализационной вонью, но... лень.

Как всякий настоящий писатель, Анатолий Кулагин был ленив, и лень свою любил, и прощал себе, хотя и сокрушался – время уходит, вскоре уйдет совсем, а роман так и не начат.

И еще бабы!..

Бабы отнимали чертову прорву сил и драгоценного уходящего времени.

Если бы с каждой не приходилось валандаться, как с королевой английской, еще куда ни шло, но ведь приходится!.. Даже самая простецкая и неказистая сперва корчит из себя неприступную, как будто сразу не ясно, чем все дело кончится!..

Им же ничего не нужно, бабам-то!.. Лишь бы мужик покрепче да повыносливей, чтоб три раза подряд мог. Ну, и чтоб бумажник солидный. А хоть бы и без бумажника!.. Баба – существо крайне низко организованное. Она и так даст, особенно если ей историю какую-нибудь рассказать пожалостливее. А можно и не рассказывать, пару лишних стаканов налить – и она твоя!..

И те, которые чистенькие, только прикидываются такими, только голову дурят, жрут мужиков изнутри, мучают, морочат. А на самом деле нисколько они не лучше проституток с Казанского, разве что в санитарно-гигиеническом смысле!..

Анатоля, как на грех, привлекали именно неприступные царевны! Все ему хотелось им объяснить, как легко с ними управляться, зная их примитивную природу, а уж природу-то Анатолий знал, как никто!.. Они высасывали из него деньги, силы – а сил не прибывало, как-никак пятый десяток! – и, главное, время! Он бы уж давно роман написал, если б не бабы.

Добыв очередную царевну, Анатолий вез ее на дачу, благо его дура Настышка жила с ребенком в городе. На даче все шло по заранее отработанному сценарию – или жалостливая история, или головокружительные разговоры, в конце концов, он был разносторонне образован, или пара лишних стаканов, а утром опухшая, неумытая, в разводах потекшей туши и с перегарным выхлопом из потерявшего форму рта царевна выслушивала короткую лекцию о том, что она сука и природа ее сучья, и нечего было вчера прикидываться недотрогой, и после Анатолий снова выходил на охоту.

Нынче он «выпасал» одну необыкновенную – таких у него в коллекции еще не было. Все же некоторые ограничения существовали, и Анатолию приходилось с этим считаться.

Женщины «высшей пробы», категории «люкс», класса «экстра», вот кого ему давно хотелось попробовать, да все никак не получалось. Сталкиваясь с ними, он оживлялся, распушал хвост, приосанивался, но толку от этого было мало. Они – это ужасно, ужасно – смотрели на него, как будто в перевернутый бинокль, и видели муравьишку, букашку, а не того, кем он был на самом деле, – талантливого, сильного, интересного, богатого мужчину в красивом возрасте!..

Впрочем, богатство тут ни при чем, конечно.

То, что в представлении его дурехи-жены было целым состоянием – неизменная тысяча евро в кошельке, без которой Анатолий из дома не выходил, – у таких женщин и за деньги-то не считалось!.. Стыдно сказать. В лучшем случае на скромный ужин в приличном месте.

Да и положение по отношению к этим женщинам он занимал... своеобразное.

Анатолий любил путешествовать и был при этом демократ, как и положено всякому настоящему русскому писателю. Недорогие отели, ресторанчики с домашней кухней, а лучше всего козий сыр и красное вино, купленные в деревенской лавке. И так вкусно заедать это самое вино сыром и хлебом на холме под оливами, а потом там же оседлать бывшую недотрогу и покувыркаться с ней хорошенько в пыльной и колкой траве, лишь бы радикулит не прихватил не вовремя! Он любил картинные галереи и всегда старался купить билеты со скидкой и сердился и негодовал, если не удавалось.

Друзья иногда «прихватывали» его с собой – он помнил множество исторических анекдотов, смешно шутил, не засыпал после первой рюмки и знал, что именно нужно смотреть в Сан-Джиминьяно, а куда первым делом бежать в галерее Уффици.

У друзей были яхты, джеты, шале, вертолеты и женщины.

Эти женщины ничем не отличались от тех, Анатолий был совершенно уверен, как изучивший женскую природу, но к этим он, ей-богу, не знал как подступиться.

Поразить их жалостливыми историями нечего и думать. Напоить?.. Чем? Коллекционным шампанским «Кристалл»? Той самой тысяче евро в кошельке не хватило бы и на одну бутылку, как тут напоить-то?.. Рассказы о юности, проведенной в Париже, никого не интересовали, ибо все они проводили жизнь в Париже, Милане, Ницце и где там еще принято весело проводить жизнь?.. Историй про Кельнский собор не слушали – дался им собор какой-то! – и про дедушку, которого ребенком водили представлять Ромену Роллану, тоже. Они не знали, кто такой Ромен Роллан.

Его известности – как радиоведущего и «колумниста» – эти женщины... как бы это сказать... не понимали. Они существовали в окружении разнообразных ведущих, певцов, футболистов, режиссеров, боксеров, актеров, оперных

теноров, сенаторов, президентов, папы римского и Майкла Джексона, покуда тот не преставился.

Может, оттого, что Анатолий не знал, как приняться за дело, хотя нисколько не сомневался, что они ничем не отличаются от тех, кого он имел десятками, а может, из-за того, что даже самая завалющаяся из них ни разу не посмотрела в его сторону не то чтоб с вожделением или хотя бы просто с интересом, а вообще не взглянула, Анатолий отчаянно трусил и даже всерьез собирался бросить всю затею к чертовой матери.

В конце концов, долго ему все равно не продержаться, на «Кристалл» не хватит ни при каком раскладе, что уж говорить о джетах и яхтах!..

Но уж больно соблазнительна оказалась Аннет!.. И она сама первая подошла к нему на каком-то приеме, куда он, как на грех, притащил свою дуреху Настьку!

И зачем он когда-то переименовал ее в Таис?.. Влюблен был, как мальчишка, вот и переименовал!..

Но Таис ее загадочное имя подходило примерно так же, как машине «Запорожец» литые диски от «Мерседеса», а Аннет была самая настоящая, подлинная – истинный «Мерседес»! Ее уж никак не назвать Аней или Нюрой, прости господи!.. В списках первых красавиц отечества и ближнего зарубежья она значилась как балерина, но образчиков ее искусства никто не видел, и на подмостках она не блистала. Впрочем, ходили какие-то слухи про Ковент-Гарден, Ла Скала и Гранд-опера, ничем не подтвержденные. В разное время она украшала собой жизнь разных богатых дядюшек, но без особого успеха – ни один из них на ней так и не женился.

Однако никакой «серьезный» прием не обходился без нее, а светское мероприятие не могло считаться удачным, если на нем не присутствовала Аннет. От одного ее запаха у Анатоля сводило мышцы живота и делалось короткое содрогание. Она улыбалась так, что Кулагину казалось, будто в лицо ему дует теплый ветер, пахнувший травами Прованса.

Как настоящий русский писатель, он любил сравнения.

И вдруг после того приема, где он был с Настькой и в конце концов так надрался, что не помнил, как его волокли в машину, Аннет позвонила и пригласила его на премьеру.

Три женщины – три богини – давали спектакль. Одна читала стихи, другая пела романсы, а третья танцевала.

Если б не Аннет, Анатолий забраковал бы спектакль с ходу. Даже колонку бы дал о вырождении искусства как такового, раз уж бабские пения-танцевания считаются искусством!..

Но Аннет на сцене так мило перебирала стройными ножками в атласных пуантах, так трагически поводила руками, так склоняла хорошенькую головку, убрannую белым венком, что он растрогался и даже бисировал, когда пошел занавес.

Он явился в уборную – никаких букетов, к черту пошлость! – и, блестя глазами, сказал: не ожидал, что красивые женщины могут быть по-настоящему талантливы.

Аннет это понравилось, и с тех пор они... встречались.

Если б она не принадлежала к категории женщин «люкс», «экстракласс», Анатолий давно бросил бы всю затею к чертовой матери!.. Ну, что такое, ей-богу!.. Ходит на свидания, как мальчишка, а дело все ни с места – щебетания, разговоры, разговорчики, намеки, улыбки, и больше ничего. К самому интересному, сексу и – главному блюду – последующей короткой лекции о сучьей бабьей природе, не придвинулись ни на шаг, что ты будешь делать!..

Анатолий чувствовал, что теряет время, выглядит смешно, а все должно быть наоборот, это она должна чувствовать себя дурой в его присутствии – все до одной бабы глупее его, и он об этом знает! Но таскался на свидания, как будто Аннет накинула на его шею аркан, и аркан давит, тянет, но сбросить его нельзя и оборвать тоже никак. Покуда будешь обрывать, удавишься.

Еще он чувствовал себя немного графом Толстым, которого, как известно, тоже мучили и морочили бабы!..

Он взбежал на невысокое, всего три ступеньки, крылечко старого особняка, ныне переделанного в ресторанчик. Такие ресторанчики принято называть «уютными». Заглянул в зал и сразу же увидел ее, хотя она забилась в самый темный уголок.

Такие уголки принято называть укромными.

Аннет рассеянно болтала серебряной ложечкой в чашке до того тонкого фарфора, что он просвечивал насквозь. Под китайским чайником странной формы горела свеча, и отражение теплого пламени плавало у Аннет в зрачках. Белая орхидея в белой вазе на белой скатерти сияла и переливалась.

Одним словом, красивая картинка, продуманная.

У Анатоля пересохло во рту и в животе произошло содрогание. Лоб вспотел.

...Разведусь к чертовой матери!.. Разведусь и женюсь на этой. Буду пользоваться ею каждый день и каждый день смотреть, не отрываясь, как плавает отсвет свечи в ее невыразимых глазах!..

Он швырнул на соседний стул пиджак, изрядно помявшийся в машине, подсел к ней на диван и взял ее ладонь, прохладную, сухую, с тонкими косточками.

– А хочешь, я тебе погадаю?..

– Разве ты умеешь?

– Нет, но уметь и не нужно.

– Как же не нужно?

– Вот смотри. – Он провел большим пальцем по ее ладони. Ему казалось, что кожа, как тонкий фарфор, светится изнутри. – Здесь сказано, что ты станешь самой счастливой женщиной на земле. Цари будут кидать к твоим ногам свои царства. Боги спустятся с Олимпа, чтобы полюбоваться твоей красотой и добротой. Дикие звери улягутся у твоих колен, чтобы охранять тебя.

Она засмеялась и отняла руку.

Анатолий перевел дыхание.

– Ты выдумщик, – сказала она, рассматривая его очень близко. Он непроизвольно втянул живот, хотя смотрела она в лицо. – Ты же выдумщик?..

– Я придумаю для тебя роман, – выдохнул он с упоением. – Я придумаю для тебя жизнь. Я придумаю такое, что у тебя закружится голова.

Ресницы взметнулись и опустились, и розовые губы чуть дрогнули.

– Напиши для меня пьесу, – выговорили эти совершенные губы. – И я сыграю главную роль. Я хочу, чтобы у тебя тоже кружилась голова!..

Анатолий собрался признаться, что голова у него и так кружится все время, но подошел официант, и момент был испорчен.

Аннет попросила еще немного зеленого чая. Анатолий – чашку крепкого кофе и глоток коньяку. Пить среди бела дня, да еще в жару, вообще говоря, не следовало бы, да и не по правилам, но здесь был некий умысел, пусть и ребяческий. Анатолий отлично знал, что эти женщины знают правила назубок, и его все тянуло их нарушать – пусть Аннет видит, что он фрондер, бретер, одним словом, особенный человек!..

Они еще пошептались, почти касаясь головами, и Анатолий все придвигался и придвигался, и трепещущие ноздри уже втягивали ее запах, особый, близкий, не официальный – дорогих духов и шампуней, – а влажной кожи, убранных в гладкую прическу волос, на виске выпущен локон, немного пота и мяты. Этот мятный запах был особенно мил и возбуждал чрезвычайно.

– Ты ведешь себя неприлично, – шепнула она и чуть отодвинулась. – Так нельзя.

– Мне можно. Я слишком люблю тебя.

Она засмеялась и тонкими пальчиками поглубже засунула под край хрустальной пепельницы круглый комочек салфетки, в который выплюнула жвачку, когда

увидела в окно Анатоля.

Нужно сказать ему что-то такое, что бы его отвлекло, а с другой стороны не охладило. Ей было очень важно, чтобы он как можно дольше пребывал в помрачении рассудка.

Она отдала ему свою руку – от пальцев тонко и почти неуловимо тянуло мятой, она точно знала, – сбоку взглянула на него и спросила, как он жил без нее весь этот длинный день.

Анатолий припал к ее руке и принялся рассказывать – как.

Была у него такая особенность. Он искренне считал, что других людей всерьез интересуется его жизнь.

Аннет слушала вполуха и соображала. Нужно выйти в туалет, позвонить и приступить к делу. Этот козел с отвисшим пузом раздражал ее ужасно. Нет, каждой женщине приятно, когда ее обожают, пусть его, но та-а-акой противный!.. Она скосила глаза на шевелящиеся влажные, красные от возбуждения губы в сантиметре от собственной щеки. Фу, какая гадость!..

Аннет тихонько вздохнула.

Почему жизнь так несправедлива?.. Почему ей приходится терпеть ухаживания старого хрена с его пузом, мятой рубахой и непонятными словами, вроде «изоморфизм» и «криацинизм», вместо того чтоб сию минуту полететь – на крыльях любви, разумеется! – на тренировку к Сашке, пристроиться на самой дальней трибуне, надвинуть бейсболку поглубже, чтоб не сразу узнали, и смотреть, как перекачиваются мышцы на совершенном теле, как напрягается упругая задница – м-м-м, красота!.. – как постепенно выбиваются из-под резинки длинные волосы, собранные в хвост! А потом, после тренировки, поехать к нему, прыгнуть в не слишком чистую постель, пованивающую псиной, и не отрываться от сочных губ, повторять грубым низким голосом: «Как я тебя хочу!» – и сидеть на крохотной бедной кухоньке в его рубашке, продуманно распахнутой на роскошных грудях и бедрах, ожидая продолжения. А уж потом, наигравшись вволю, вернуться в свой чудесный особнячок, где все так мило и уютно устроено, и долго париться в баньке, смывая запах греха и чужих простыней, а после голый кинуться на диван, на легкое покрывало из лисьих шкур – прошлогодний

подарок одного прекрасного человека! – нежиться, чувствовать волнующее прикосновение меха к прохладному обнаженному телу, болтать по телефону и лакомиться чем-нибудь вкусненьким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-ustinova/odin-den-odna-noch-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)